Рисунок Бор. ЕФИМОВА по теме А. Костовецкого (г. Киев).

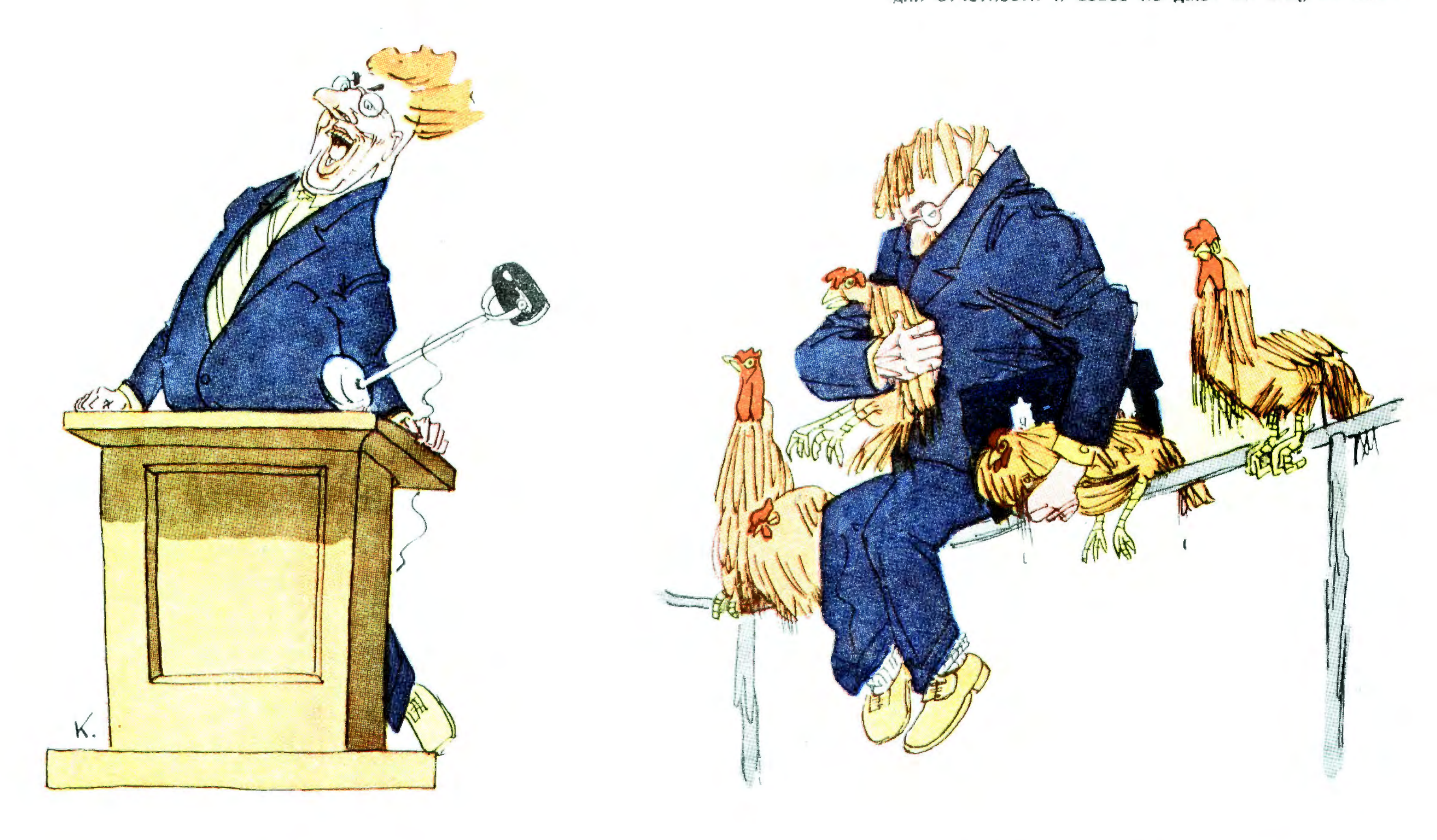
Начальник — самосвал

КРОКОДИЛ

МОСКВА ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА» № 16 10 июня (1486) 1957 ГОД ИЗДАНИЯ 36-й ЦЕНА НОМЕРА 1 р. 20 к.

Рисунок А. КАНЕВСКОГО.

В Чкаловской области немало сельскохозяйственных артелей, где птицефермы существуют только для отчетности и вовсе не дают ни яиц, ни мяса.

Петушился, петушился... ...а на деле оказался мокрой курицей.

ПЕСТРАЯ ЛЕТОПИСЬ

Тепловоз сосватал

— Все в сборе? — спросил Крокодил.— Сегодня мы послушаем железнодорожную новеллу доцента Ростовского института инженеров железнодорожного транспорта С. Я. Айзинбуда.

— Я хочу вам рассказать,— начал гость,— о женитьбе машиниста тепловоза А. П. Исакова на проводнице пассажирского вагона...

— Виноват,— деликатно заметил Крокодил,— вы ведь, кажется, собирались рассказать нам историю о чьей-то бесхозяйственности?

— Это одна и та же история. Исаков и женился на проводнице именно благодаря бесхозяйственности своего начальства!

— Так рассказывайте о бесхозяйственности, а не о проводнице!

— Извольте! В июле 1953 года управляющий союзным трестом «Маткожпромстрой» В. Воронков подписал приказ — отправить тепловоз вместе с пассажирским вагоном со станции Надвоицы, близ Мурманска, для ремонта генератора в депо станции Верхний Баскунчак. Машинистом, наблюдателем за ремонтом, ехать А. П. Исакову, а проводницей вагона — той, которая...

— Оставьте проводницу в покое! — воскликнули активисты. — Говорите о ремонте генератора!

— О ремонте рассказывать нечего,— грустно откликнулся доцент.—В Верхне-Баскунчакском депо ремонтировать генератор не взялись. Однако Исакову было велено сидеть и ждать. Сначала он писал жалобы, а потом... Потом машинист полюбил проводницу и женился на ней. Это был счастливый брак. Супруги жили в пассажирском вагоне. К их услугам была казенная квартира о шести... купе.

— Все это хорошо,— сказал Крокодил.— но объясните в конце концов: если депо не бралось ремонтировать тепловоз, к чему было тресту оставлять его там на целый год?

— Год? — удивился рассказчик.— Вы не даете мне договорить. Знайте же, что Надюше, родившейся на станции Верхний Баскунчак, уже пошел третий год. Это чудесная девочка. Она уже знает напамять «Мойдодыр» Чуковского и...

— Говорите по существу!

— Я и говорю, это — очень милое существо. Девочка Исаковых подрастает на станции Верхний Баскунчак в хороших материальных условиях. Правда, маму трест уволил, чтобы не было семейственности, зато папе ежемесячно посылал 1 200 рублей зарплаты, ну и командировочные. С середины 1955 года командировочные уже не переводились, осталась одна зарплата... Но родители очень хорошо воспитывают и одевают Надюшу. На днях она выступала со стихами Чуковского...

— Опять?!

— Хорошо, я ограничусь лишь деловыми подробностями. Девочку придется, по-видимому, отдавать в школу в Верхнем Баскунчаке, потому что новый управляющий трестом Л. Липко приказал в октябре 1956 года перевести Исакова на постоянный оклад с жительством на станции Верхний Баскунчак. Видно, он там пробудет с тепловозом и вагоном не один год. Надюша успеет подрасти и...

— Стоп! — воскликнул один из активистов, видимо, наиболее нетерпеливый.— А как же с ремонтом тепловоза?

— Двигается,— успокоительно сказал доцент.— Спустя четыре года на станцию Верхний Баскунчак прибыл из Харькова новый генератор. Но в тамошнем депо монтажом некому заниматься, и придется теперь командировать на место инженера и монтера. Может быть, съедутся семейные люди, с детьми. Надюше будет веселее!

— Это очень мило, конечно,— криво усмехнулся Крокодил, — но ведь непроизводительные расходы еще более увеличатся!

— Пока не так уж много израсходовано,—иронически заметил рассказчик,— на зарплату и командировочные — 80 тысяч рублей да за аренду пассажирского вагона столько же. Правда, товарищи из треста могут сказать, что, будь тепловоз и вагон эти четыре года на ходу, они бы потребовали капитального ремонта...

Все грустно молчали.

На этом очередная крокодильская суббота была закончена, и активисты разошлись до следующей встречи.

Рисунок И. ОФФЕНГЕНДЕНА.

ПРОМАШКИ И БУМАЖКИ

Внимание! Работает телестудия Крокодила. Сегодня объектив телеревизора нацелен в сторону Белгородской области. Сможет ли аппарат действовать на такое сравнительно дальнее расстояние? Не волнуйтесь, при желании он достанет хоть до Марса.

Первым номером позвольте продемонстрировать вам эту живописную груду битого кирпича с одиноко торчащей из нее металлической конструкцией. Немного поодаль видна стена, иссеченная вдоль и поперек трещинами. Угадайте, что это? Раскопки древнего города? Жертвы извержения местного Везувия? Нет. Эти жалкие руины — только что построенное здание ремонтных мастерских Борчанской МТС, сооруженное тов. Красновым, начальником Белгородского стройуправления № 3 треста «Донбасспромстрой». Как видим, объекты, возводимые тов. Красновым, отнюдь не могут похвастаться, что они красны углами.

А вот и сам виновник торжества, легок на помине! Он, видимо, почувствовал, что на него направлен телеобъектив, и принял позу, полную достоинства.

— Нашли чем пугать, каким-то телеобъективом! — усмехается он.— Ерунда! У нас на каждую строительную промашку имеется оправдательная бумажка. Вот они, актики-то! Пускай глядят на Флюговскую МТС: там дела идут еще хуже, чем у нас.

Что ж, нажмем кнопку, и... на экране возникает пейзаж Флюговской МТС. Он примерно походит на борчанский. На фоне розовых облаков выделяется мужское лицо, полное гордого самодовольства. Так выглядел директор Флюговской МТС тов. Борисов весной 1954 года, когда брался строить МТС сам, хозяйственным способом. Ах, каким орлом он тогда на всех поглядывал!.. Но что это?.. Лицо тов. Борисова делается плаксивым, как у школьника, пойманного у сахарницы. И облака, как вы заметили, утратили свой лирический цвет, сделались желто-зелеными, вроде горохового киселя... Извините, это мы случайно передвинули рычажок времени на осень 1955 года, когда окончательно выяснилось, что тов. Борисов вконец завалил стройку и ее спешно пришлось передавать Волоконовскому управлению № 1 треста «Белгородстрой».

А теперь продемонстрируем сегодняшний облик тов. Борисова. Полюбуйтесь выражением безмятежности и неги на его лице. Наконец-то человек обрел полнейший покой! Сейчас на все жалобы механизаторов по поводу затянувшейся стройки Борисов отвечает, что поскольку он за стройку персонально не отвечает, то ему и отвечать нечего.

— И что вы пристали ко мне? — добавляет он.— На других стройках, в Грушевской и Ржевской МТС, например, от нас тоже недалеко ушли.

Поблагодарим тов. Борисова за подсказку. Давайте познакомимся со строителем этих МТС — начальником СМУ № 15 треста «Сахстрой» тов. Рабиновичем. Его мы застаем в беседе с вновь назначенным главным инженером тов. Лузиком.

Рабинович. Ну, как вам понравились наши стройки?

Лузик. Полнейший хаос! Механизмы простаивают. Каменщики шестого разряда используются на подсобных работах... Кошмар!

Рабинович (снисходительно улыбаясь). Кошмар? Вас просто с непривычки ошеломляет. Строить типовые МТС поручено в нашей области семи нянькам, то есть организациям, и смею сказать, что наша нянька... пардон, организация, не из самых последних. Вон на стройке Борчанской МТС что творится...

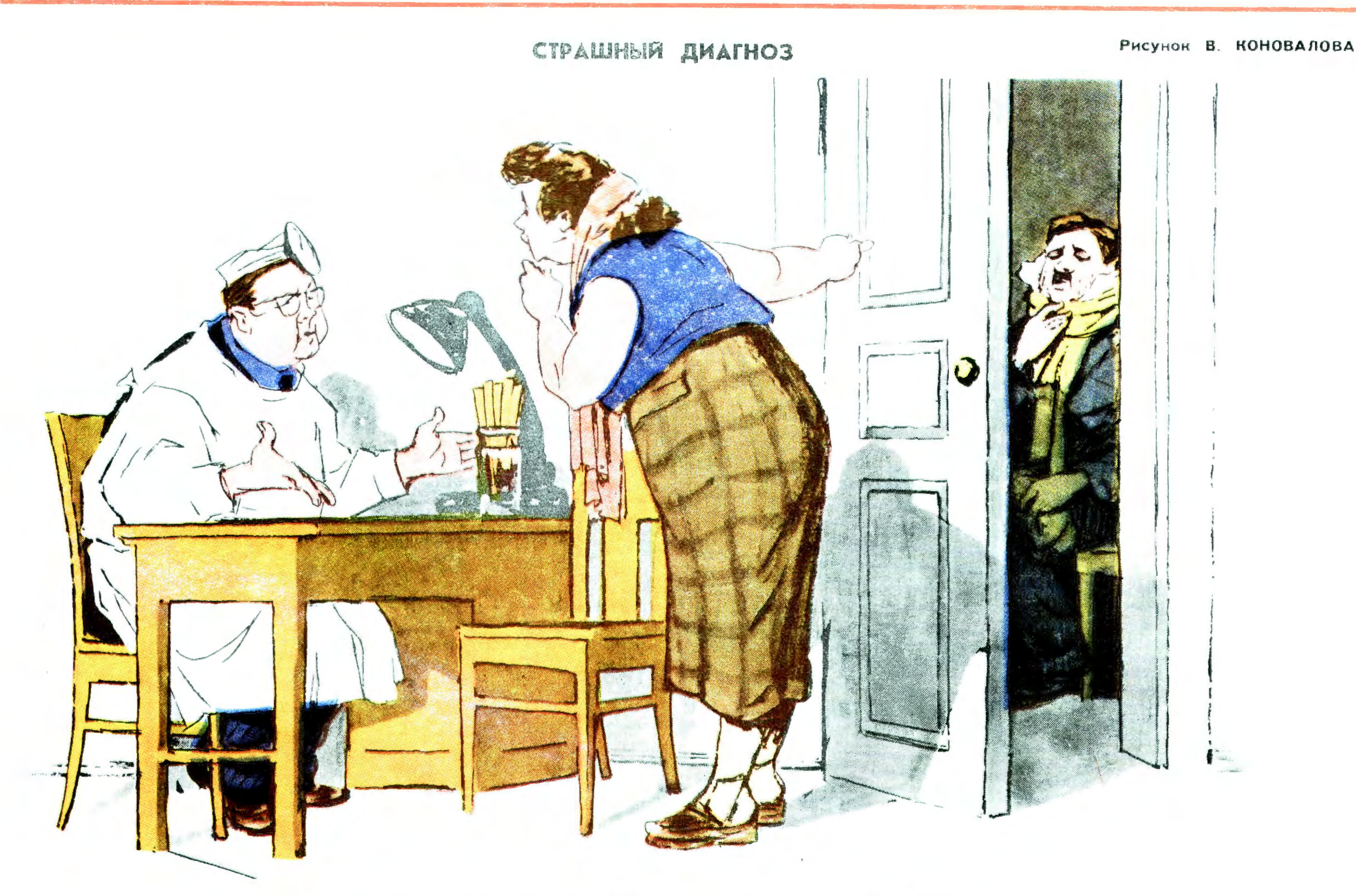
А что творится на Борчанской МТС, мы уже показали телезрителям в начале нашей передачи. Лучше воспользуемся волшебными свойствами нашего аппарата и покажем вам тов. Рабиновича в ближайшем будущем... Ну, допустим, ...надцать лет спустя. На экране — почтенный старец с белоснежной бородой, окруженный многочисленными внуками и правнуками. Вы слышите, как он дает им честное и благородное слово, что в ближайший год сдаст наконец в эксплуатацию Грушевскую и Ржевскую МТС? Внуки и правнуки скептически перемигиваются между собой: уж кто-кто, а они-то хорошо знают цену обещаниям своего почтенного родича.

На этом наша очередная телепередача заканчивается. Телезрителям, надеемся, теперь ясно, почему из шестидесяти миллионов, ассигнуемых ежегодно на стройки типовых МТС на белгородской земле, более тридцати остаются неосвоенными. Свои отзывы и пожелания присылайте не нам, а Белгородскому областному управлению сельского хозяйства.

Дежурные механики при телеревизоре
Ф. БУРЛЯЕВ, Н. ЛАРИН

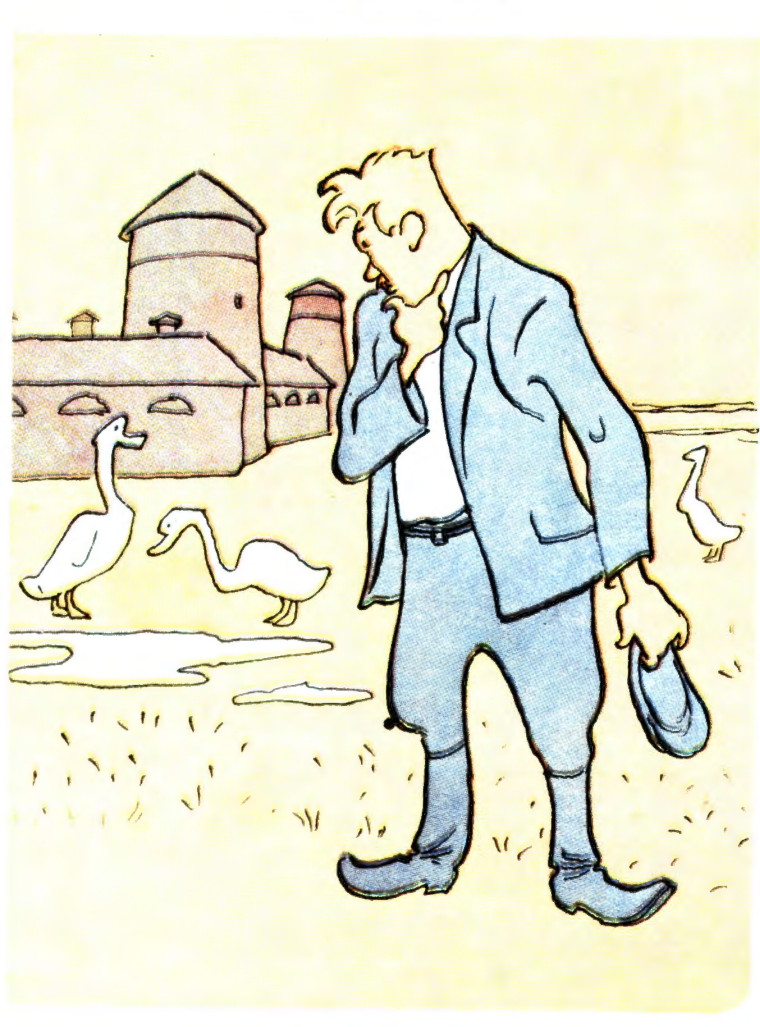
СТРАШНЫЙ ДИАГНОЗ

Рисунок В. КОНОВАЛОВА

— **К сожалению, мы вашему мужу ничем не можем помочь...**
— **!!!**
— **Он не из нашего района!**

Рисунки К. ЕЛИСЕЕВА.

— И куда они столько пьют! Этак и без водоема можно остаться!

МЕЛКАЯ ФИЛОСОФИЯ НА ГЛУБОКИХ МЕСТАХ

Когда-то в Атлантическом океане, где нет «ни дна, ни покрышки», Владимир Владимирович Маяковский тонко подметил:

«Кто над морем не философствовал?
Вода».

Руководители Краснодарского «Крайрыбвода» имеют дела на море и, судите сами, могут ли уйти от искушения пофилософствовать над этим скопищем воды?

Конечно, предмет их постоянных размышлений — рыба. (Что поделаешь, если существует план ее лова!) И тут, если судить по их делам, они твердо придерживаются одного убеждения: «Рыба ищет, где глубже».

Много лет пытаются убедить их ловцы рыболовецкого колхоза имени Микояна, что это не всегда так:

— К нам в мелководные Куликовские лиманы рыба из глубинных мест в период икрометания валом валит. В этих мелких, теплых водах мальки все лето чувствуют себя, как в люльке.

— Та рыба, которая не ищет, где глубже, не рыба,— отвечают им на это руководители «Крайрыбвода».

— Конечно, еще нет, но она будет рыбой. На зиму подросшие мальки уходят из «люльки» в море...

— Вот видите! Ищут, где глубже! Там, в море, мы их и ловить будем!..

— Да вот беда, не всегда они из лиманов выйти могут. Море заносит песком и ракушкой Куликовское гирло, через которое идет рыба.

— Заносит? Что же тут удивительного? — пожимают плечами руководители «Крайрыбвода»:

«Вчера
океан был злой,
как черт,
сегодня
смиренней
голубицы на яйцах...
...Все течет...
Все меняется».

— Так нужно расчистить гирло и немного укрепить. Тогда рыба может свободно гулять туда и обратно. Помогите нам, мы одни не справимся.

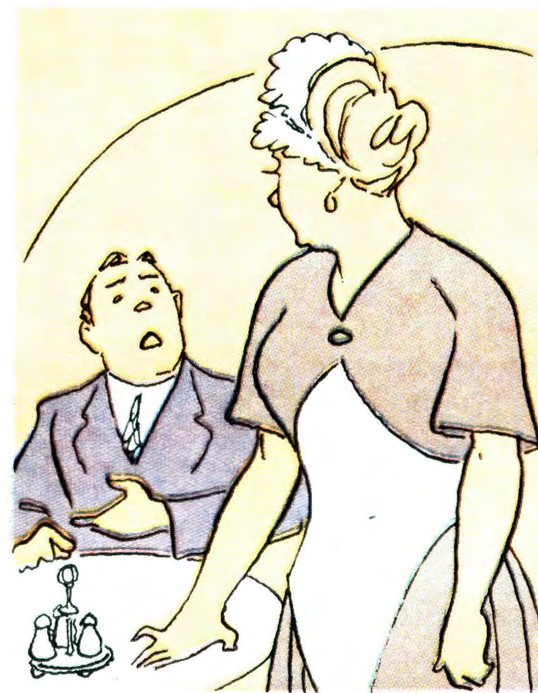
— А что это, извините, нам даст?! На выполнение плана текущего года повлияет? Нет? Тогда бывайте здоровы! Нам это гирло ни к чему. В море, в море! Там рыба! В глубине!

Рыбаки только руками разводят:

— До чего же мелкая философия на глубоких местах!

В. ЗАЦЕПИН

ЗАЖДАЛСЯ

— Безобразие! Столько сижу жду обеда!
— Пожалуйста! Что вам подать на ужин!

Своя рука — владыка!

АВТОПРОБЕГ ПЕРЕКРЕСТОВА

Недавно состоялся большой автомобильный пробег по маршруту Онохой — Могзон — Онохой. Ниже мы даем беседу с одним из свидетелей этого выдающегося спортивного события, тов. Коноплевым.

КРОКОДИЛ. Кто был инициатором автопробега?

КОНОПЛЕВ. Заместитель начальника строительно-монтажного управления треста «Забайкаллестранстрой» тов. Перекрестов.

КРОКОДИЛ. Что вы можете сказать о трассе маршрута?

КОНОПЛЕВ. Протяженность маршрута равняется тысяче пятистам двадцати километрам. В пробеге участвовал один-единственный самосвал «ЗИС» № 47-24, принадлежащий строительно-монтажному управлению. Самосвал пробыл в пути около восьми суток.

КРОКОДИЛ. Какова цель пробега?

КОНОПЛЕВ. Целью пробега была картошка. Дело в том, что у Перекрестова в Могзоне живет теща. А у тещи можно достать дешевую картошку. Вот он и поехал за ней, чтобы не переплачивать на местном рынке.

В заключение беседы Крокодил благодарит тов. Коноплева за информацию и высказывается в том смысле, что спортивное достижение Перекрестова является неповторимым рекордом... использования служебного положения.

О БЕРЕЗОВОЙ МЕТЛЕ

Следующее интервью мы взяли у тов. Розенберга, начальника конторы материально-технического снабжения треста № 21 Министерства строительства предприятий нефтяной промышленности. Тов. Розенберга мы застали в тот момент, когда его творческая мысль трепетно билась над одной чрезвычайно любопытной научной проблемой.

КРОКОДИЛ. Чему посвящены ваши изыскания?

РОЗЕНБЕРГ. Обыкновенной метле. Речь идет о преимуществах березовой метлы, доставленной из Арзамасской области, перед нашей местной.

КРОКОДИЛ. Разве береза, растущая в Арзамасе, чем-либо отличается от уфимской?

РОЗЕНБЕРГ. Пока этого не удалось доказать. Но, так или иначе, арзамасская метла обходится нам дороже. Логика подсказывает: раз дороже, значит, она лучше. А раз лучше, следовательно, она чище метет.

КРОКОДИЛ. Как вы связываете свои научные воззрения с практикой?

РОЗЕНБЕРГ. Я приказал закупить в Арзамасе восемнадцать тысяч двести пятьдесят метелок и доставить их в Уфу. Это нам, разумеется, влетело в копеечку. Но что деньги! Научные принципы мне дороже всего.

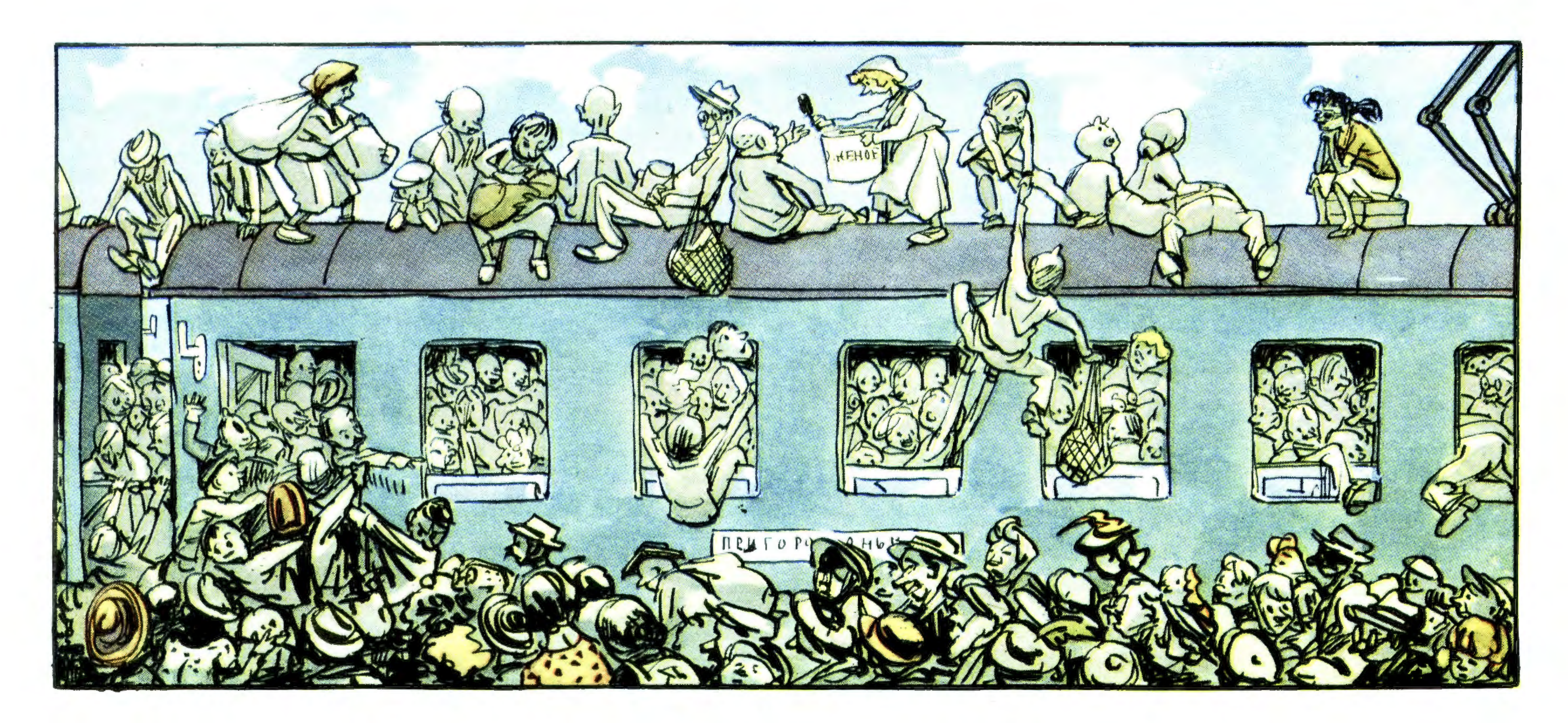
На этом беседа оборвалась, и Крокодил пожелал начинающему исследователю новых успехов при внедрении в уфимский быт арзамасской метлы, а также обещал ознакомить с его трудами академическую общественность и работников госконтроля.

— Ну, завезли на лето товаров — воз! Чего только не хватает!
— Прошлогоднего снега!..

Рисунок И. СЕМЕНОВА.

НА ПОДСТУПАХ К ОТДЫХУ

— Лезь на крышу: здесь воздух свежий и на своей остановке сойти можно.

КРАТКОСРОЧНЫЕ КУРСЫ КРОКОДИЛА

В сети нашего образования есть один пробел. Чиновнику негде повысить свою квалификацию. Это и побудило нас открыть заочные курсы для канцеляристов всех мастей.

Первое занятие мы посвящаем канцелярской стилистике.

Лекция первая

НУЖНА ЛИ НАМ ЯСНОСТЬ?

«Покажи, какой ты сочинил документ, и я скажу, кто ты», — любил говаривать один малоизвестный ведомственный философ. Это — в высшей степени верное изречение. Ведь сочинить документ можно по-всякому. Можно написать бумагу ясную, как стеклышко, и такую, в которой черт ногу сломит и навек останется хромым.

Для настоящего канцеляриста ясность ни к чему. Наоборот, он должен по мере своих сил и возможностей затуманить мысль, набросить на нее этакий словесный покров. Это хорошо удается судье 3-го участка города Холмска тов. Ермаченко. Вот небольшой отрывок из подписанного ею решения суда:

«...Истец утром в 10 час. выпил 100 гр водки на работу должен был заступить во вторую смену. С 10 час. для этого же числа, истец прибыл на работу в 1 час. 30 минут дня, чтобы отпроситься с работы, так как... у него день рождения дочери и он хотел отметить это. Придя заранее на работу истец начал отпрашиваться с работы у начальника электростанции Ипполитова, последний истца с работы не отпустил, а отстранил от работы, когда истец еще не приступал к работе, т. е. отстранили от работы в 1 час. 30 мин.».

Совершенно очевидно, что человек, рискнувший углубиться в чтение такого документа, будет безуспешно выкарабкиваться из словесного лабиринта на свет божий. Таким образом, всякие там проверяющие, ревизоры и обследователи окажутся бессильными перед подобной бумагой.

Вот почему мы рекомендуем нашим заочникам глубже изучить особенности стиля тов. Ермаченко.

О ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ДЕТАЛИ

Мы советуем также сочинять документы, в которых обилие художественных деталей сочеталось бы с пафосом обличения. Для образца возьмем выписку из приказа начальника Малиновского лесозаготовительного участка (Тюменская область) тов. Медведева.

«Мастер лесопиления тов. Гусев А. Г. в практику своей работы встал не на правильный стиль руководства, — пишет тов. Медведев. — Объясняется тем, что он... организует отмечение победы с выпивкой и маленькой закуской. Фактами подтверждаются следующие действия... Тов. Гусев продал пиломатериал постороннему лицу... и на эти средства купил ящик водки и незначительное количество закуски — консервы и организовал пьянку на территории лесозавода, после чего переругались и на самом Гусеве изорвали рубаху и он стал похож на клоуна...»

Читаем дальше:

«...Тов. Гусев купил ведро красного вина и распили 6 человек. Напившись пьяными бросили работу в 12 часов дня, сели на автомашину Ишимского лесозавода и уехали в неизвестном направлении. Поездка была веселой с песнями, а пилоправ тов. Крепицын вошел в бессознание и пошел к колхознику Василию Кондратию, стал обламывать наличники, но ему не дали. После чего он разделся донага, подвязался мочалом и на площади возле магазина открыл свое искусство пляски и песни».

Таков стиль, такова художественная палитра тов. Медведева. От нее может «войти в бессознание» любой мало-мальски грамотный человек. Что же касается дезорганизаторов производства, то на них почему-то эта литература не произвела впечатления. Несмотря на это, мы считаем приказ начальника Малиновского лесозаготовительного пункта наиболее выдающимся произведением ведомственной прозы последних лет.

На этом мы заканчиваем первое занятие. Просим заочников-бюрократов присылать на отзыв свои письменные работы.

А вы не взяли шайку из бани?

Это далеко не праздный вопрос, как может показаться всякому незнакомому с порядком увольнения из артели «Труд» в городе Камень-на-Оби.

Представьте себе члена артели, работающего на известковом производстве. Вздумалось ему уволиться. Для этого он отправился пешечком за тринадцать километров в город, взял в конторе правления обходной лист и... Куда бы вы думали он направил прежде всего стопы? Ни за что не угадаете! В спортивное общество «Спартак». Там ему сделают пометку, что с их стороны нет возражений к уходу товарища из артели. Такую же пометку он должен получить в ДОСААФе и в «Красном Кресте». По дороге обязательно надо зайти в местный радиоузел и на электростанцию. И там тоже отметиться.

В городе, кроме артельной, имеются еще городская и детская библиотеки. Обходной лист предусматривает визы всех этих культурных очагов.

Получив справку из горжилуправления об отсутствии задолженности по квартирной плате, член артели наносит визит... бане. Не смейтесь! Мало ли что может быть! А вдруг при последнем своем посещении помывочного заведения посетитель, собирающийся сейчас уволиться из артели, захватил с собой шайку и до сих пор ее не вернул?

Закончив обход городских организаций, рабочий возвращается к себе на производство и собирает еще одиннадцать виз. После этого отправляется в правление (опять за тринадцать километров) и получает расчет.

Маленькая на вид бумажка — обходной лист, а в ней перечислены двадцать две инстанции! Как хорошо, что в городе Камень-на-Оби пока нет еще планетария и зоопарка! А то местный исполком настоял бы на том, чтобы включить в обходной лист визы и этих двух почтенных учреждений. Разве можно в самом деле уволиться, не простившись в планетарии со своей путеводной звездой и не представив официальной справки, что вы не захватили с собой парочку тигров или берберийских львов...

Г. И. ПЕТРОВСКИЙ,
член партии с 1897 года.

СОРОК ЛЕТ НАЗАД

Только восемь месяцев 1917 года отделяли свержение царизма от Великой Октябрьской социалистической революции. Зато каких месяцев! Страна кипела в острой классовой борьбе. Большевики готовили трудовой народ к завоеванию власти. С каждым днем положение становилось все более острым. События развертывались далеко не шуточные... Но и с великим и с грозным, как водится, нередко соседствовало смешное. Ярче всего оно проявлялось в поведении тех, кому хотелось бы остановить неумолимый ход истории...

БОЛЬШЕВИКИ БЕРУТСЯ

Екатеринославским большевикам пришлось в 1917 году выступать против объединенных сил меньшевиков, эсеров и бундовцев. Эта публика и на митинги ездила скопом и свои общие резолюции предлагала. Говоруны они были лихие, и бывало, что настроение кое-где складывалось поначалу в их пользу. Но вот встанет с задней скамьи какой-нибудь бородатый дядька в шинели и спросит:

— А насчет землицы как?

Говорун, не тушуясь, отвечает:

— Все будет по закону. Как решит Учредительное собрание, так и будет.

— А насчет мира?

— И это дело Учредительного собрания.

— Да сами-то вы, гражданин оратор, как думаете? — наступает солдат.

Меньшевик уже чует, куда дело клонится. Но все-таки стоит на своем:

— Воли Учредительного собрания предрешать не берусь...

— А вот большевики, поди ж ты, берутся! — под общий одобрительный смех заключает дядька.— И землю прямо сейчас велят брать...

И мы уходим с митинга победителями.

В РЕЗОЛЮЦИИ НЕ УКАЗАНО...

В редакции «Известий Екатеринославского Совета» сидела тогда та же компания: меньшевики, эсеры и бундовцы. Ох, и трудное же у них было положение! Совсем не печатать принятых на митингах большевистских резолюций нельзя: читателей растеряешь. А печатать все как есть — самих себя отпевать. Вот и нашли выход: примечания сочинять.

Напечатали, скажем, резолюцию призывников завода «К. Рузский и К°» со всякими обидными для буржуев словами и от себя добавили:

«От редакции. Редакция старалась смягчить эту резолюцию и, помещая ее, считает нужным оговорить, что совершенно не разделяет мыслей, изложенных в этой резолюции».

А через два дня эти же редакторы поставили себя в еще более смешное положение. Напечатали резолюцию рабочих Брянского завода, которые совершенно недвусмысленно требовали «полной диктатуры рабочему органу», и присовокупили:

«Редакция считает своим долгом указать, что в резолюции не указано, о каком «органе» говорится и о какой «диктатуре».

А было это третьего октября — всего за три недели до того, как волею восставшего народа в нашей стране была установлена диктатура пролетариата. Чего уж тут, казалось бы, не понимать!

ФРОНТ — ТЫЛ — ФРОНТ

Теперь даже вспоминаешь с удивлением, а ведь это факт: первое время за генералом-монархистом Корниловым шло немало солдат-фронтовиков. Их представители разъезжали как агитаторы по всей стране. Приехали они и к нам в Екатеринослав. Было их человек семьдесят, и все как на подбор, с отличной выправкой, в ладно сидящих гимнастерках, бравые, чисто выбритые. И все до одного против большевиков.

Ездят они с завода на завод, из села в село, ругают нас, разъясняют, что продолжение войны «в интересах революции». Все бы хорошо, да опять на тех же вопросах — о земле и мире — спотыкаются.

Они пытаются обрадовать слушателей:

— Теперь по приказу Александра Федоровича Керенского каждый солдат может генеральский орден заслужить.

А им в ответ:

— Да чем заслужить-то? Буржуйский интерес отстаивать? И нам неподходяще, и вам вроде бы ни к чему...

Они призывают:

— Будем, товарищи, драться до полной победы!

А из зала добавляют:

— Над капиталом! Давайте вместе!..

Кончилось же все это довольно неожиданно. В один по-настоящему прекрасный день приезжие агитаторы сорвали с гимнастерок корниловские нашивки и уехали обратно на фронт. Агитировать против войны, за большевиков!

РЯБУШИНСКИЙ, ОН ЖЕ МИНИН...

А Керенский тем временем усиленно выступал с речами. Выступал и на обычных митингах и на митингах-концертах. Травил изо всех силенок большевиков, и капиталисты ему дружно рукоплескали. А он все пуще из кожи лез, чтобы заслужить их расположение. До того старался, что даже опубликовал в приказе по армии и флоту призыв:

«Граждане капиталисты! Будьте Миниными для своей Родины! Откройте свои сокровищницы и спешите нести деньги на нужды освобожденной России».

Всегда готовые продать Россию кому угодно Рябушинский и Манташев — в роли великого патриота Минина. Они же — радетели за свободу народа... Ну разве не смешно?!

...А ОРУЖИЕ ЕСТЬ?

Революционные рабочие, солдаты и матросы, готовясь к штурму, осадили Зимний дворец. Среди «солидных» гласных Петроградской городской думы — домовладельцев с присными — волнение. Изрядно пошумев, поклявшись «не допустить», они отправились на выручку Временному правительству. Пришли на Дворцовую площадь, а навстречу им—матрос.

— Кто такие?

— Гласные.

— По какому делу?

— Правительство спасать.

— Понятно... Оружия у вас при себе много?

Переглянулись гласные, молчат. А матрос удивляется:

— Нету? Вот чудаки! Да кто же на такие дела безоружный ходит!..

Потом засмеялся и говорит:

— Шли бы вы лучше, господа хорошие, по домам. А то, не ровен час, стрельба вдруг начнется... Ничего не поделаешь — революция...

Обмякшие господа гласные с ноги на ногу переминаются, не знают, как из неловкого положения выйти. Наконец один догадался, на небо глянул:

— Вроде как дождь собирается. За зонтом, что ли, сходить?

Так и разошлись — кто за зонтом, кто за галошами...

ВСТРЕЧА С «КАТОРЖНИКАМИ»

Шел штурм Зимнего. Непрерывно заседал военно-революционный комитет. И как раз в это время к нам явились брать интервью иностранные журналисты и репортеры петроградских буржуазных газет.

— Да кто вы, собственно, такие? — довольно развязно спросил один из этих молодчиков.

— Каторжники и ссыльные,— без тени улыбки ответил Дзержинский.— Вот позвольте вас познакомить! Ссыльный Орджоникидзе. А это ссыльный Молотов. А это государственный преступник, он же по совместительству член Государственной думы, Петровский. Как видите, власть брать собираемся...

Потом выдержал паузу и добавил:

— А теперь позвольте спросить, кто вы такие, чтобы нас допрашивать?

Бойкий интервьюер поперхнулся и побледнел. Его коллеги тревожно переглянулись. А тут еще я спросил вслух у Дзержинского:

— Как поступить с господами журналистами? Отпустить или временно задержать?..

Конечно, это была шутка. Мы тут же отпустили их с миром. Но, вылетая пулей, они все же боязливо оглядывались: мало ли чего можно ждать от каторжников!..

К ВОПРОСУ О ТАКТЕ

Свершилось! Победивший народ взял власть в свои руки. Второй Всероссийский съезд Советов избрал Совет Народных Комиссаров во главе с Владимиром Ильичем. Опубликованы Декрет о мире и Декрет о земле. Рабочие, солдаты, трудовые крестьяне ликуют. Им все до конца ясно. А кое-кто считает наиболее для себя удобным притвориться, будто ничего не понимает. На четвертый день Великой Октябрьской социалистической революции вышел очередной номер «Известий Екатеринославского Совета» со статьей «Гроза разразилась». А в ней все те же «непонятливые» меньшевики писали:

«В Петрограде восстание, о котором уже давно говорили, к которому большевики готовились. Мы не будем теперь говорить об одобрении или порицании, о тактичности или бестактности вдохновителей восстания...»

А их об этом и не спрашивали!

...И вот прошло в неустанном труде, борьбе и победах сорок исторических лет. Вопреки явному неодобрению врагов, даже наперекор попыткам попугать нас «с позиции силы», мы живем, работаем, строимся. А если и само существование нашей великой, могучей социалистической державы по сей день кажется кое-кому «бестактностью», — над такими «непонятливыми» можно только посмеяться...

Р. САРЦЕВИЧ

Кумир

На улице нашей
Девчонка жила.
Девчонка, как фея,
Прекрасна была:
Походка упруга,
Фигура литая,
Глаза голубые,
Коса золотая.
Ходила, блистая
Роскошным нарядом,
И, может, не ведала
Даже сама,
Что, встретившись с нею,
От первого взгляда
Красивые парни
Сходили с ума.
Глядели, застыв,
На девчонку-кумира.
Скажи — и полезли б
На гребень Памира
И в темную ночь,
Что чернее смолы,
Бросались бы в море
С высокой скалы.
Но словом своим
Та девчонка, поверьте,
Спасала парней
От бессмысленной смерти.
Ты нежности ждешь
От девчонки, но вот
Она произносит:
— Дурак! Идиот!
Летят с языка ее
Звуки зловеще,
Чем громче, тем хуже,
Чем дальше, тем хлеще.
И парни краснеют,
Обиду глотая.
И сразу темнеет
Коса золотая.
Глаза голубые
Становятся буры,
И пшик остается
От стройной фигуры.

ИЗ МОЛОДЫХ, ДА РАННИЙ

Рисунок А. БАЖЕНОВА по теме Ю. Макаренкова (Москва).

МЕМУАРЫ
ОПЫТ ЖИЗНИ
ТОМ I

Открытое письмо редакции журнала ЮНОСТЬ

Милостивые государи, граждане редакторы!

Покорнейше прошу вас не удивляться моему несколько старомодному обращению. Я от чистого сердца! Когда девяностопятилетнему старцу вроде нижеподписавшегося встречается на страницах нынешней печати нечто живо напоминающее годы его далекой-предалекой юности, так и тянет, знаете ли, тряхнуть стариной...

Низкий поклон вам, уважаемые: порадовали меня, старика! Вы и вообразить не можете, до чего приятно было мне прочитать в лето от рождества Христова одна тысяча девятьсот пятьдесят седьмое на страницах вашего уважаемого журнала анекдотец... Да еще какой! Тот самый, что имел такой выдающийся успех у гимназистов семидесятых годов прошлого века. Как вы изволите, уповаю, понимать, я имею в виду опубликованный вами обмен любезностями между посетителем ресторации (если не ошибаюсь, они именуются ныне столовыми) и кельнершей:

«— Почему у вас в супе сосновые щепки!

— А что вам, за рупь пятьдесят из карельской березы подавать!»

Да, да, именно так и выражалось в мои юные годы простонародье: не «рубль», а «рупь»! Искренне восхищаюсь тем вашим сотрудником, который сумел раздобыть анекдотец почти вековой давности и подарить его редакции в девственной, осмелюсь сказать, неприкосновенности.

Одновременно почитаю приятным долгом отметить, что на последних страницах вашей «Юности» печатается и нечто для вполне великовозрастных читателей предназначенное. В натуре-то я такими делами уже не интересуюсь, а прочел все же не без удовольствия:

«ПОЦЕЛУЙ В ТУННЕЛЕ

Он: Милая, если бы я знал, что этот туннель такой длинный, я бы обязательно поцеловал тебя.

Она: Как, неужели это был не ты!!»

Правда, помнится мне, и этот анекдотец я на закате прошлого века читал не то в «Журнале для мужчин», не то в «Фарсе». И для юношества такие пикантности (они назывались еще у нас «клубничкой») считались тогда не совсем подходящими. Ну, да ведь время идет вперед — и вам как современным редакторам должно быть виднее, что надлежит преподносить на правах юмористики молодежи и без чего можно как-нибудь обойтись.

Я же еще раз душевно благодарю вас за доставленное мне, старику, удовольствие.

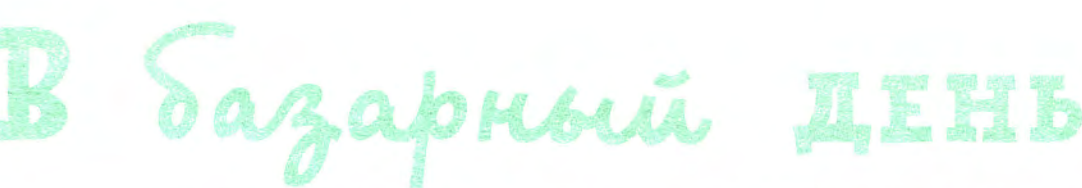
Остаюсь ваш покорный слуга

Секлетей Иринархович СТАРОВЕКОВ
(1862 года рождения).

По поручению С. И. Старовекова письмо доставил

С. ШЕВЕЛЕВ.

И. КОСТЮКОВ

К поездке в город на базар Григорий Федорович Мертилов подготовился еще с вечера. Встретив вернувшегося с поля бригадира, прижал руками живот и, раскачиваясь взад-вперед, пожаловался:

— Понимаешь, Степан Данилович, что-то стряслось с внутренностями. Так и выворачивает все, так и крутит! А поскольку внутренности в моей жизни имеют большое значение, то я хочу их просветить в районной поликлинике. Знаешь что: будь родным отцом, отпусти на денек!

— Ты же на прошлой неделе был в поликлинике! — изумился Степан Данилович.— Помнится, ездил грыжу лечить.

— Грыжу я уже вылечил,— оторвав от живота руки, махнул ими Мертилов.— Медицина-то нынче знаешь, как работает? До гибели не допустит. Дали каких-то порошков, приказали пить после принятия пищи, и грыжу будто рукой сняло. А теперь новое наказание: внутренности стали донимать. То ничего-ничего, а то как пойдут, как закрутят, ну прямо хоть криком кричи! Веришь, белый свет не мил! А что касается капусты, так ты, Степан Данилович, не беспокойся. Как вернусь с просвечивания, так и посажу ее. Всю, до единого корешка! Кстати, вечером и сажать-то лучше. Солнце не выжигает...

Придя домой, Мертилов завернул в мешковину баранью тушу, перекрутил ее веревкой и отнес в погреб. А утром, как только мало-мальски рассвело, взвалил тушу на плечи и, где шагом, где рысцой, подался на большак.

Сперва Мертилов «голосовал», так сказать, простым, общедоступным способом — поднимал руку и кричал проезжим водителям:

— Эй, приятель, подвези!

Но все катившие мимо шоферы вели себя так, словно рядом с ними в кабинах сидели блюстители правил дорожного движения с книжкой штрафных квитанций наготове. Пришлось пойти на некоторые материальные издержки. Вынув из кармана десятирублевую бумажку, Мертилов стал ею размахивать перед шоферскими кабинами. Однако эта приманка не привела к желаемым результатам. И только спустя часа полтора на дороге показалась конная повозка, сплошь заставленная молочными бидонами, на которой по милости возницы и примостился Григорий Федорович.

Поторапливая возницу, Мертилов сперва посулил ему четвертушку водки, потом к четвертушке прибавил кружку пива, но тащивший их мерин, видимо, не прельщался обещанным магарычом и на все крики возницы только лениво помахивал хвостом. Тогда Мертилов сам принялся понукать мерина:

— Но, милый! Но, касатик! Но, господь с тобою! Да ну же, сатана тебя разорви!..

Несмотря на все эти меры, к открытию рынка Мертилов опоздал. Все лучшие места в мясном ряду уже были заняты, и Григорию Федоровичу пришлось расположиться на приставном прилавке.

Облачившись в белый фартук и такие же белые нарукавники, он стал зазывать покупателей:

— Выходи, народ, из каждых ворот, иди поскорей, денег не жалей! А ну, сюда налетай, любой кусок выбирай, торгую в последний раз, завтра уезжаю на Кавказ!

— Неужто на Кавказе большой спрос на баранину? — спросила соседка по прилавку, продававшая свиные ножки.

— На Кавказе? На каком таком Кавказе? — переспросил Мертилов.

— Ну, на этом самом... Куда завтра уезжать-то собираешься?

— Ах, ты вон о чем! — Мертилов ухмыльнулся и подвинулся к соседке.— Кавказ, тетка, я приплел для рекламы. Я всегда так делаю, когда что-нибудь продаю. Это у меня в привычку вошло. А вообще-то говоря, я здешний. Из Мещерского колхоза. Слыхала?

— Про Мещерку-то! Ну как же! — кивнула соседка.— У меня там сестра замужем. Может, знаешь Пелагею Анисимову?

— Господи боже! Она же за моим шурином, за Василием Анисимовым! Вот новость-то! Выходит, ты мне чем-то вроде свахи доводишься. Можно сказать, родня. Одну минуточку, свашенька! Ко мне покупатель идет... Пожалуйста, уважаемый, что прикажете?

Мертилов быстро перевернул обветренные куски мяса, поточил нож о вилку и встал в позу человека, готового пойти на все, лишь бы сделать приятное другому человеку. Покупатель-старичок протер очки, посмотрел на мясо, понюхал его, а потом сказал:

— Мне бы для котлет. Этак с полкилограмма.

— Извольте-с! Такой кусочек устроит? — Мертилов сперва прикинул кусок на руках, потом бросил его на весы, долго шевелил губами и наконец сказал: — С вас одиннадцать рублей и восемьдесят семь копеек.

— Почти двенадцать рублей! — удивился покупатель. — Ну, батенька, и лупишь же ты! Креста на тебе нет!

— Что верно, то верно,— согласился Мертилов, отсчитывая сдачу.— Мы люди сознательные, в глупые предрассудки не верим, а посему самому и крестов не носим... Вот ты, приятель, жалуешься, что дорого беру. А, небось, не подумал над тем, как мне все это достается. Я горб гну, ночей не сплю, и... и меня же ругаешь. И за что? За справедливую цену! Да будет тебе, дорогой приятель, известно, что продукцию собственного производства я волен продавать кому хочу и как хочу! Понятно? Об этом самом и в колхозном уставе ясней ясного сказано. Возьми-ка устав да почитай его!

— Спасибо за добрый совет! — усмехнулся покупатель.— Обязательно почитаю. А помимо всего прочего, своего товарища порасспрошу. Он тут недалеко агрономом работает.

— Вот, вот! И товарища спроси. И тебе сразу станет ясно, могу я продавать излишки собственного труда или не могу. Выходит, что могу. Для этого и базары существуют, рынки всякие. Другое дело — при коммунизме. Тогда незачем будет раскатывать по базарам. Там каждый станет жить по своим потребностям. Потянуло тебя, скажем, на моченые яблоки, что ж, сделай одолжение, ступай в колхозную кладовку и наваливай сколько твоей душеньке угодно. Или, допустим, курятинки захотелось. Иди на птичник, выбирай какую пожирней да в лапшу ее. А пока... пока, приятель, приходится вот так жить.

— Да, батенька, жизнь твоя не сахарная! — Старик завернул покупку в газету и, уходя, добавил: — Совести у тебя, гражданин, нет, а в коммунизм собираешься! Сейчас самый сев, ты же по базарам разгуливаешь!

— А может, меня доктора освободили от физического труда! — крикнул Мертилов вслед старику.— И вообще, приятель, лучше за собой смотри!

Мертилов опять поточил нож о вилку и стал поочередно махать ими в сторону ушедшего старика. Сваха, чтоб успокоить свата, сказала:

— А здорово ты, Григорий Федорович, этому очкастому насчет моченых яблок ввернул! Можно сказать, лучше всякого лектора просветил.

— И-и, золотко, разве такого просветишь! — немного успокоившись, поморщился Мертилов.— Он точь-в-точь как наш агроном Сергей Иванович... Тот только и знает, что попрекает работой. То не так сделал, это не по нему! Слушать надоело!

Мертилов согнал мух с баранины, вытер о фартук руки, закурил и, щурясь от дыма, мечтательно проговорил:

— Эх, мне бы только дождаться коммунизма! Уж там бы я... Там я первым делом пошел бы к председателю и спросил: «Как, Иван Николаевич, теперь, при коммунизме, мне жить положено?» А он мне в ответ: «Работай, Григорий Федорович, как твоей душеньке заблагорассудится, по своей способности». А я на это скажу: «Раз мне положено работать по способности, то изволь, товарищ председатель, опять доверить мне колхозную кладовку, откуда ты меня несправедливо снял».

— Неужели несправедливо сняли? — всплеснула руками сваха.

— Без всяких демократических церемоний,— кивнул Мертилов.— Приходит как-то председатель и, не моргнув глазом, заявляет: «Ты,— говорит,— Григорий Федорович,— мужик здоровый, иди-ка работать в поле».

— А ты бы властям пожаловался!

— Жаловался. Уж куда только не посылал жалобы! Сперва слал с марками. А потом стал посылать без марок: говорят, такие письма лучше доходят. И все никакого проку. Во всех инстанциях, наверно, председатель имеет руку, потому что ответы были одинаковые: мол, работайте, товарищ Мертилов, на пользу колхоза и... и так и далее... Поэтому теперь вся надежда на коммунизм. Как только дождусь его, так...

Григорий Федорович осекся и удивленно стал смотреть в сторону магазина сельхозснаба, приютившегося тут же, на рынке. Из дверей магазина вышел пожилой человек, в котором Мертилов узнал агронома своего колхоза Сергея Ивановича Шишкина. Вместе с ним был и тот старик в очках, что покупал баранину у Григория Федоровича. Старик рассказывал Шишкину что-то смешное, и оба они время от времени громко смеялись.

— Значит, этот барышник ждет не дождется коммунизма, чтоб до моченых яблок добраться? — сквозь смех спрашивал Шишкин своего попутчика.— А сам, выходит, по базарам болтается? А ну, дай мне посмотреть на этого друга!

Один за другим три плана мелькнули в голове Мертилова: спрятаться за прилавок, бежать и третий, наименее осуществимый,—провалиться сквозь землю. Но было поздно. Шишкин стоял возле прилавка и недовольно посматривал то на продавца, то на его товар.

— А мне говорили, что ты лечишь свои внутренности! — сказал агроном.

— Да я, Сергей Иванович...— чуть слышно ответил Мертилов и зачем-то начал укладывать баранину в мешок.— Я что ж... Я ничего...

— Ну, ладно, разбираться будем вечером в правлении! — махнул рукой Шишкин.— А сейчас закрывай свою лавочку и отправляйся на работу. Возле чайной стоит наша машина. Скажешь шоферу, чтоб ехал к сельхозснабу. Я там буду.

— Да не забудь купить большую ложку! — посоветовал старик оторопевшему Мертилову.

— Это для какой же надобности? — спросил Григорий Федорович.

— Чтоб при коммунизме первым попробовать лапшу с курятиной! — усмехнулся старик.— А то, чего доброго, опоздаешь!

Когда агроном и старик скрылись в толпе, Мертилов уложил подальше деньги, взвалил на плечи мешок и на прощание сказал:

— И как с таким народом жить при коммунизме, ума не приложу!

ПОСЛОВИЦА НЕ ЗРЯ МОЛВИТСЯ

Рисунки Г. ВАЛЬКА.

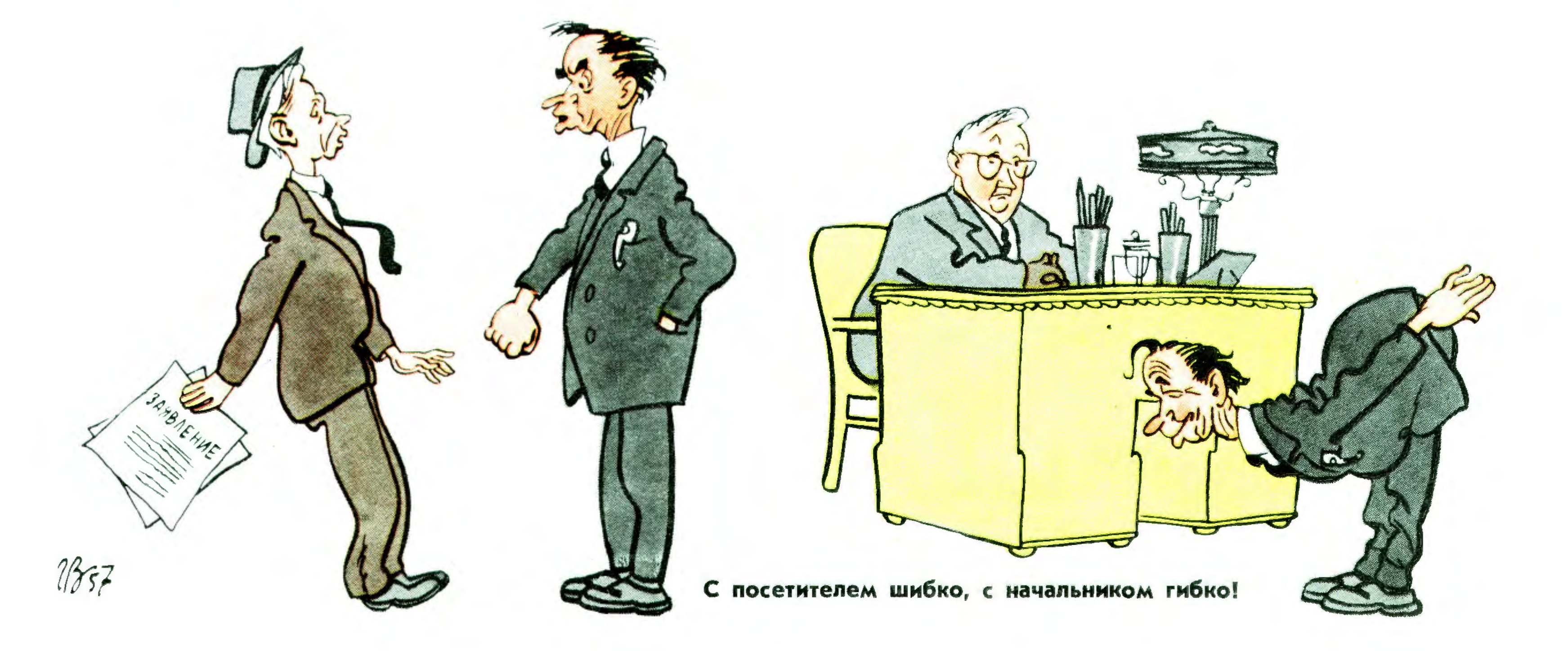
В протоколе густо, а на поле пусто!

(Посвящается некоторым районным руководителям)

Не видишь — душа мрет, увидишь — с души прет!

Семка украл поросенка, а сказал на гусенка!

С посетителем шибко, с начальником гибко!

Джанни РОДАРИ

СЮРПРИЗЫ В ДОМЕ РИГОГОЛИ

Сегодня синьор Риголи возвращается домой веселый. Сегодня он даже веселее бесшабашного воробья, ошалевшего от весеннего солнца. Он возвращается домой, обнимая обеими руками огромное пасхальное яйцо.

Подымаясь по лестнице, он изобретает объяснение для жены. Ведь купить такой монумент из шоколада — не шутка.

«Скажу ей, что выиграл его в лотерее»,— решает он наконец.

На самом же деле Риголи должен был занять отнюдь не маленькую сумму у своего сослуживца.

«У кого есть дети,— думает Риголи,— тот должен уметь занять в нужный момент. В конце концов, если не идти навстречу долгам с высоко поднятой головой, то они сами подстерегут тебя, а потом предательски поразят тебя в спину».

Ребят у Риголи двое, оба мальчишки, чертенята с головы до пяток. Одному из них пять, другому восемь лет, один — блондин, как синьора Риголи, другой — брюнет, как отец, точнее, такой, каким был отец до того, как облысел. Одного зовут Паоло, другого — Франческо.

С помощью супруги синьор Риголи прячет объемистый подарок, чтобы ребята не видели его раньше времени. Потом со всем рвением отдается важнейшей вечерней операции — укладыванию сыновей в постель.

Чего не придумает отец, чтобы облегчить своим отпрыскам переход из восхитительного царства бодрствования в мрачное и таинственное царство сна!

Риголи ходит на четвереньках, жонглирует раскрытым зонтиком, поставив его себе на нос, делает вид, что получил неожиданный удар по лысине, и под восторженный визг ребят пытается поймать невидимого драчуна. Он ловко превращается в пятидесятилетнего птенчика, порхающего от одной кроватки к другой, норовя нежно клюнуть носик Паоло или ушко Франческо. Оп-ля! Птенчик превращается в котенка, который старается пробраться под одеяло. Оп-ля! И вот уже синьор Риголи с воодушевлением карабкается на стол и смешно приплясывает на нем, пока две пары глазенок не закрываются и две детские души не отправляются на поиски сновидений.

Измученный, обливаясь потом, синьор Риголи наконец открывает шкаф, чтобы достать пижаму. О! Вот так сюрприз! В шкафу стоит громоздкое металлическое сооружение сферической формы.

— Кармелла!

Синьора Риголи входит на цыпочках.

— Что это за штука?

— О, это так, пустяки! Это поставило командование.

— Какое командование?

— Ну, пришли какие-то офицеры. Это всего-навсего водородная бомба. Они сказали, что мы должны хранить ее. Вот здесь еще есть инструкция, на бумажке. С этой вещью нужно быть очень осторожным. С этой и с той, в буфете. Ну, пойдем, ты еще не ужинал.

— Минуточку, минуточку! Какое отношение мы имеем к командованию? Я совсем не желаю держать эту опасную дрянь в квартире. У меня есть дети, есть ты, есть работа. А это... Нет, к черту!

— Дорогой мой, ну что мы можем сделать? К профессору Локателли, к тому, что живет над нами, тоже поставили в шкаф одну бомбу. И к синьоре Лоренции. У нас в доме в каждой квартире поставили.

— Сплошное сумасшествие! Ну, ладно, давай подумаем о сюрпризах.

— А ты бы не хотел подумать об ужине?

— Нет, нет, некогда. В шоколадном яйце нет сюрприза. Такое большое яйцо — и пустое. Я его тряс, переворачивал по-всякому, внутри ничего не гремит, совершенно. Представь себе, открываешь яйцо — и ничего. Каково это детям?

Он думает и передумывает, пока наконец не находит подходящий выход...

После обеда наступает долгожданный момент. Мама берет нож и начинает осторожно открывать яйцо. Бац! Из-за рассыпавшейся шоколадной скорлупы выскакивает сам Риголи, изображая только что вылупившегося птенца.

— Вот вам и сюрприз! — кричит он, вытирая платком с лица шоколадные полосы.

Однако на личиках Паоло и Франческо написано самое откровенное разочарование. Ну разве папа — сюрприз? Папа — это такая же вещь, как хлеб или как мебель, которую видишь каждый день.

— Это еще не всё! — кричит Риголи, заметив вытянувшиеся физиономии ребят.— Теперь только и начинаются настоящие сюрпризы!

В мгновение ока сняв с руки часы (свадебный подарок жены), он торжественно вручает их Паоло. Затем выхватывает из кармана авторучку (свадебный подарок доброй тетушки) и сует ее в кармашек праздничной курточки Франческо. Вот это действительно сюрпризы! Ребята в восторге.

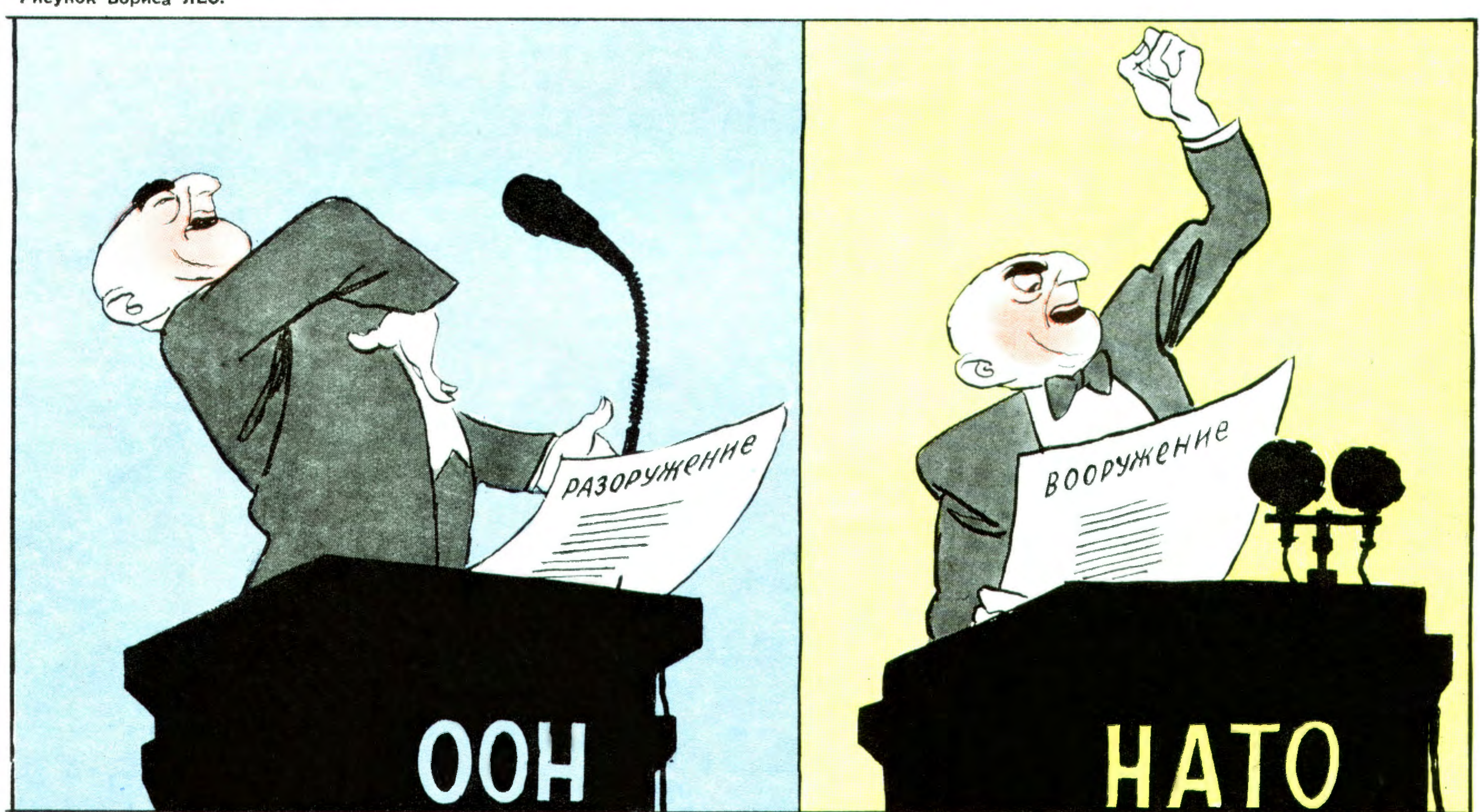
Потом снова наступает время укладывать детей в постель. Потом снова очередь доходит до шкафа, где висит пижама. Там по-прежнему стоит эта штука, безобразная, бессмысленная, молчаливая, угрожающая.

Лоб синьора Риголи снова покрывается испариной.

— Что же это делается, а? — восклицает он.— Я укладываю детей спать, рассказываю им сказки. Ради них я могу оторвать себе ногу. Обе руки, если потребуется! Но тут уж не о моей ноге идет разговор, а об их жизни! Кармелла, скорее! Скорее, Кармелла, нужно звонить во все двери, сейчас же, сию же минуту! Нужно кричать, чтобы все проснулись! Иначе все наши сказки, все сюрпризы, вся наша любовь к детям — просто-напросто притворство и ложь! Скорее, Кармелла, сейчас же идем на площадь!

Перевел с итальянского **А. КОРОТКОВ.**

Рисунок Бориса ЛЕО.

МИСТЕР АТОМСОН НЕ ЛЮБИТ ПОВТОРЯТЬСЯ

СКВЕРНАЯ ИСТОРИЯ

Из описаний и рассказов давно известно, что метро в Нью-Йорке — это душная подземная труба. И вагоны там неудобные — с соломенными, некогда белыми, а теперь почерневшими от времени сиденьями. Серый, сочащийся сыростью бетон туннельных стен, адский железный грохот, мучительное однообразие станционных перронов. Пассажиру еще ничего, он здесь гость кратковременный, а служащим — кондукторам, контролерам, машинистам, — всем, кто осужден из года в год ежедневно выносить многочасовую пытку дьявольски скучной езды туда и обратно, тем приходится туго. Да к тому же и зарплата у них нищенская.

А сейчас ко всем прочим «удовольствиям» их скудной жизни прибавилось новое. И одним из первых, кого эта новость придавила, оказался некий Макс Лернер, кондуктор нью-йоркского метрополитена, — лицо не вымышленное, а подлинно существующее.

«Да что же это такое, братцы?!» — захотелось воскликнуть мне, когда я узнал некоторые факты из его биографии. Или даже произнести нечто более классическое, вроде: «Ужасный век, ужасные сердца!»

Впрочем, судите сами...

В последнее время атомная истерия с новой силой охватила Америку. Кричат, шумят и шипят газетные витии. Сенаторы произносят воинственно-панические речи. Обыватели бегают по улицам с большими глазами и шепчутся, шепчутся, шепчутся, озираясь по сторонам: не подслушивает ли кто?..

Истерика эта пошла так глубоко, что просочилась даже в туннели нью-йоркского метро.

Кто-то «наверху» сказал, а газеты подхватили и понесли, что метро, дескать, будет играть решающую роль в эвакуации гражданского населения из Нью-Йорка при первом сигнале термоядерной тревоги. Отсюда вывод, что кондуктор подземки — это теперь уже не просто человек в форменной фуражке, объявляющий остановки, а лицо, занимающее «стратегический пост», что-то вроде генерала армии.

Прочитав эту глубокомысленную чепуху, Макс Лернер, обладающий, как все рядовые американцы, здравым смыслом и чувством юмора, смачно сплюнул себе под ноги порцию жевательной резинки и сказал, что в газетах пишут «собачью чушь» и что если он, Макс Лернер, уже не кондуктор, а генерал-подметальщик, то и зарплату ему подавайте генеральскую. И вообще, закончил кондуктор, пора бы нашим газетам перестать трепать нервы людям, которые желают хоть спать спокойно.

Конечно, нашелся доброхот, тайный осведомитель (их в «самой свободной стране мира» развелось несметное количество), и сообщил по начальству о дерзостных словах кондуктора. Макса Лернера тут же уволили со службы. За что? За то, что он представляет собой «угрозу безопасности города Нью-Йорка».

Макс Лернер подал жалобу на неправильное увольнение в нью-йоркский апелляционный суд.

Началась трагикомедия суда. Главный судья Конуэй вел процесс по всем правилам маленькой «охоты за ведьмами».

— Вы коммунист? — рявкнул он, обращаясь к кондуктору.

Макс Лернер, сославшись на конституцию США, ответить на этот вопрос отказался.

— Тогда мы вас привлечем за неуважение к суду!

— Ваша честь,— сказал кондуктор,— вот вы изволите говорить, что я подрывной элемент и так далее. Объясните мне, что я такого подрывного могу сделать в вагоне подземки?

— Вы можете запереть вагон,— ответил находчивый судья Конуэй,— и вести среди пассажиров свою проклятую коммунистическую пропаганду, пользуясь их беспомощностью!..

Жалоба Макса Лернера была судом отклонена.

Жизнь его сломана, смята, выброшена в мусорную урну, словно использованный проездной билет подземки...

Словом, скверная история.

Атомный психоз в соединении с психозом антикоммунистическим проник в катакомбы нью-йоркского метро. Дальше, как говорится, ехать некуда.

Леонид ЛЕНЧ

Один конец

«Адью — гуд бай!» — так назывался фельетон-некролог, опубликованный в «Крокодиле» 30 августа прошлого года. В нем описывалась скоропостижная кончина крайне правой парижской газеты «Тан де Пари». Эта содержанка нефтяных монополий рьяно проповедовала «холодную войну» и колониальную политику. Откровенно пресмыкалась перед американским боссом. Прославляла агрессивные блоки и пакты. Раздувала антисоветские страсти.

Не удивительно, что читатели крепко невзлюбили сварливую даму. В результате «Тан де Пари», просуществовав два с половиной месяца, скандально обанкротилась и исчезла с политического горизонта.

«Но душеприказчики усопшей, — отмечалось в нашем фельетоне-некрологе, — так и не смирились с утратой. Они уверяют, что «Тан де Пари» снова появится на свет, «как только позволят обстоятельства».

И вот нынешней весной парижским столпам реакционной политики вдруг показалось, что обстоятельства позволяют. Конечно, начать снова издавать ту же самую «Тан де Пари» рискованно: увидит читатель заголовок, вспомнит, плюнет и отвернется. Поэтому свежеиспеченную даму из высшего общества нарекли иначе: «Деба де се тан».

Но, как известно, по одежке встречают, по уму провожают. А ум у новорожденной оказался вовсе не оригинальным. Газета проповедовала «холодную войну» и колониальную политику, пресмыкалась перед американским боссом и так далее — одним словом, смотри вышеприведенную характеристику «Тан де Пари».

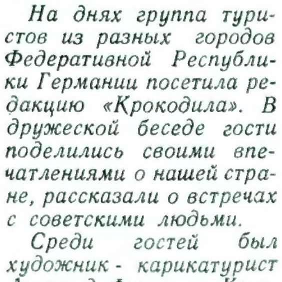
«Деба де се тан» тоже оказалась мертворожденной. Первый номер ее вышел в середине апреля, последний — в конце мая. Увяла, не успев расцвесть...

В общем, адью — гуд бай!..

В гостях у Крокодила

Арнольд Фауст.

Дружеский шарж Е. ГОРОХОВА.

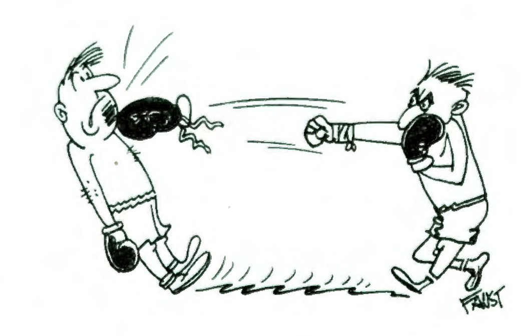

На днях группа туристов из разных городов Федеративной Республики Германии посетила редакцию «Крокодила». В дружеской беседе гости поделились своими впечатлениями о нашей стране, рассказали о встречах с советскими людьми.

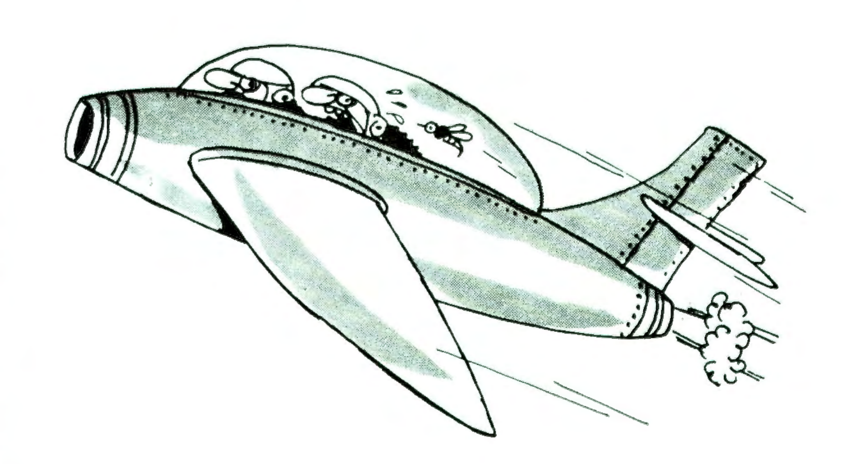
Среди гостей был художник - карикатурист Арнольд Фауст из Кельна. Мы помещаем здесь его рисунки.

— Да ведь он в тебя влюблен!

Без слов о нокауте.

— Дай газу, Густав!..

Не в свои сани...

Василий Терентьевич Лукошников не имел персональной машины, и это обстоятельство сильно угнетало его.

«Ну, будь бы я заведующим гороно или начальником горпочтамта,— думал он,— все было бы не так обидно. А то завкоммунхозом, хозяин чуть ли не всего города, и, нá тебе, ходи пешком или езди за двугривенный на автобусе, как заурядный пассажир».

И ведь если бы ездить на автобусе с самого начала. А то нет. Три года Василий Терентьевич пользовался лично к нему прикрепленной «Победой». Он привык к ее светло-кремовому цвету, к ее номеру «33-25», к тембру ее гудка. Машина стала частью самого Лукошникова. Чем-то вроде руки или ноги. И вдруг полгода назад горсовет в целях экономии лишил Лукошникова светло-кремовой «Победы», передав ее в парк общего разгона. Уж лучше бы Василию Терентьевичу лишиться руки!

Первым рассорился с ним брат Леня, потом стала дуться жена Клавдия Михайловна, точно он, Лукошников, придумал этот самый режим экономии. Весь распорядок в доме пошел кувырком. К нему, главе дома, ни почтения, ни уважения.

— Нужно тебе куда-нибудь поехать,— сказал как-то жене Василий Терентьевич,— возьми такси.

— Такси? С какой стати, если у тебя в распоряжении весь автотранспорт города!

Весь? А что делать, если весь этот транспорт общественный, а не персональный? Снять с линии автобус? Сейчас же поднимется скандал. У каждого автобуса свой план пассажироперевозок.

— Может, воспользоваться услугами машины «Скорой помощи»?

«А что, это мысль!» — подумал Василий Терентьевич и стал вызывать к подъезду «Скорую помощь».

Две недели все шло как будто бы нормально. Василий Терентьевич под вой аварийной сирены пересекал несколько раз в день город в различных направлениях. Но вот в начале третьей недели произошла неприятность. С кем-то из посетителей горсовета случился сердечный припадок. Председатель звонит в «Скорую помощь»:

— Пришлите врача, машину.

А машины нет на месте. Брат Лукошникова Леня еще с утра угнал ее в село за картошкой. И хоть бы привез он как следует, а то всего полмешка! И вот за такую «мелочь» завкоммунхоза получил «на вид».

В общем, от услуг «Скорой помощи» Василию Терентьевичу пришлось отказаться. А как быть дальше? Неужто и в самом деле ходить на виду у всего города пешком?

— Вы не стесняйтесь,— сказал завгар,— вызывайте при надобности дядю Гришу.

Дядя Гриша был водителем автобуса. Но не обычного, а специального назначения. В отличие от других машин кузов дяди-Гришиного автобуса был обведен черной, траурной краской.

— Дядю Гришу?

Василий Терентьевич хотел даже выругать завгара за такое издевательское предложение. А потом спохватился, подумал:

«А что, это идея! Город у нас небольшой, степной. Народ живет крепкий, здоровый. Дяде Грише приходится делать в день не больше одной—двух ездок. А в остальное время суток дяди-Гришина машина находится в простое. Но если дяде Грише нельзя увеличить количество ездок за счет усопших, почему не сделать это за счет живущих?»

И Лукошников стал звонить в гараж:

— Дядю Гришу к подъезду.

Делалось это вначале вполголоса, стыдливо. Утром дядя Гриша доставлял Лукошникова на работу. Вечером — назад.

Для того, чтобы не волновать тещу (что с нее взять: человек она отсталый), Василий Терентьевич никогда не подъезжал на своей машине к дому. Он заставлял дядю Гришу останавливаться на углу.

Но дальше — больше. Лукошников попривык к дяди-Гришиному экипажу и както вечером решил проехать на нем к театру, посмотреть «Сильву». Но тут закапризничала жена Василия Терентьевича Клавдия Михайловна. И ведь что удивительно: человек кончил десять классов, а кругозор у нее, как у старушки-матери.

— Я с дядей Гришей не поеду!

— Милая, стыдно,— говорит ей Лукошников.— Это же предрассудок. Родимое пятно проклятого прошлого.

И нужно отдать должное мужу: с его помощью Клавдия Михайловна довольно успешно преодолевала в себе пятна прошлого. Сначала робко, а потом все смелее она забиралась в кабину дяди Гриши, и к концу месяца автобус специального назначения стал раз по десять в сутки появляться то в одном, то в другом конце города.

Жители Михайловки заволновались. В чем дело? Что происходит в городе? Эпидемия? Мор? Оказывается, нет. Просто-напросто Клавдия Михайловна Лукошникова шьет себе новое платье. А гону здесь немало: то к портнихе, то в магазин за кружевом, то к маме за консультацией.

И все же подвела Василия Терентьевича не портниха, а его любовь к легкой музыке. Ресторан «Дунай» пригласил к себе месяца два назад небольшой оркестр: две скрипки, баян, контрабас и гитара. А у этого оркестра в репертуаре отрывки не только из «Сильвы», но и из «Марицы», «Трембиты», «Золотой долины». И Василий Терентьевич зачастил в «Дунай». И не то, чтобы человек спился, разложился. Нет. Ездил Лукошников в ресторан не с чужой женой, а со своей. Иногда брал даже брата Леню. Приедут, сядут за столик, закажут на каждого по порции сосисок, возьмут на троих одну бутылку портвейна и сидят слушают попурри из Кальмана и Дунаевского, обмениваются впечатлениями.

А в десять часов за ними к ресторану подъезжает дядя Гриша и дает протяжным гудком сигнал: «Я здесь».

А от этого сигнала у завсегдатаев «Дуная» начинало падать настроение. Вместо веселых песенок «Марицы» в голову лезли всякие мрачные философские мысли: ты, мол, пьешь-поешь, а он уже стоит дожидается тебя!

Сам факт того, что дяди-Гришин автобус дежурит за окном ресторана, так сильно действовал на завсегдатаев, что они стали реже бражничать.

Суббота. Раньше в такой вечер в ресторан не протолкнешься. А теперь — милости просим. На эстраде — салонный оркестр, а в зале всего пять — шесть человек.

Директор ресторана в панике. Что делать? Сказать завкоммунхозом, чтобы он не ходил в «Дунай» есть сосиски, неудобно.

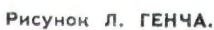
На помощь рестораторам пришел завгорфо. Он взял и написал жалобу в горсовет.

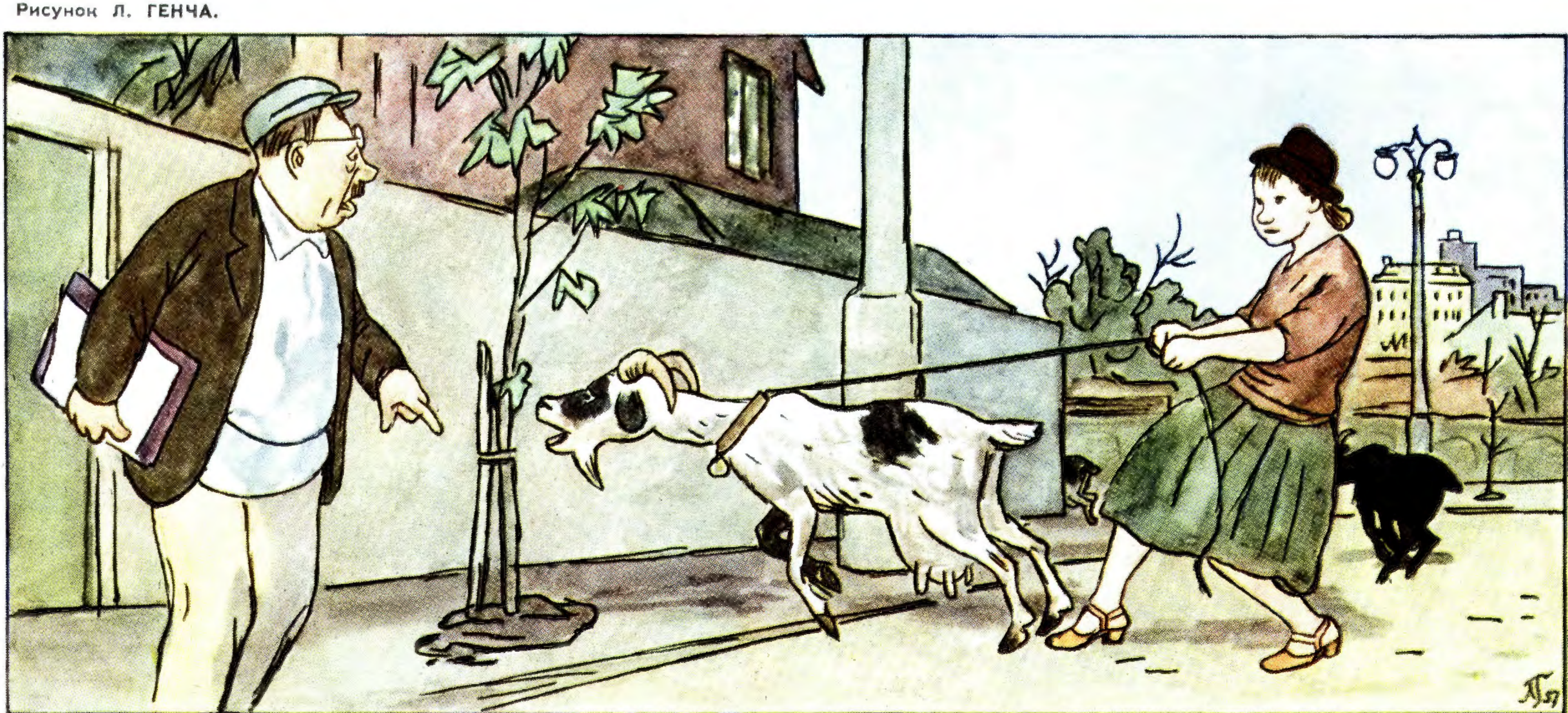
— Ну, все,— говорили в Михайловке.— Теперь Лукошникову не уйти от наказания. Теперь ему дадут выговор.

— Еще бы, это же неморально! Он гонял дядю Гришу по ресторанам. Злоупотреблял служебным положением.

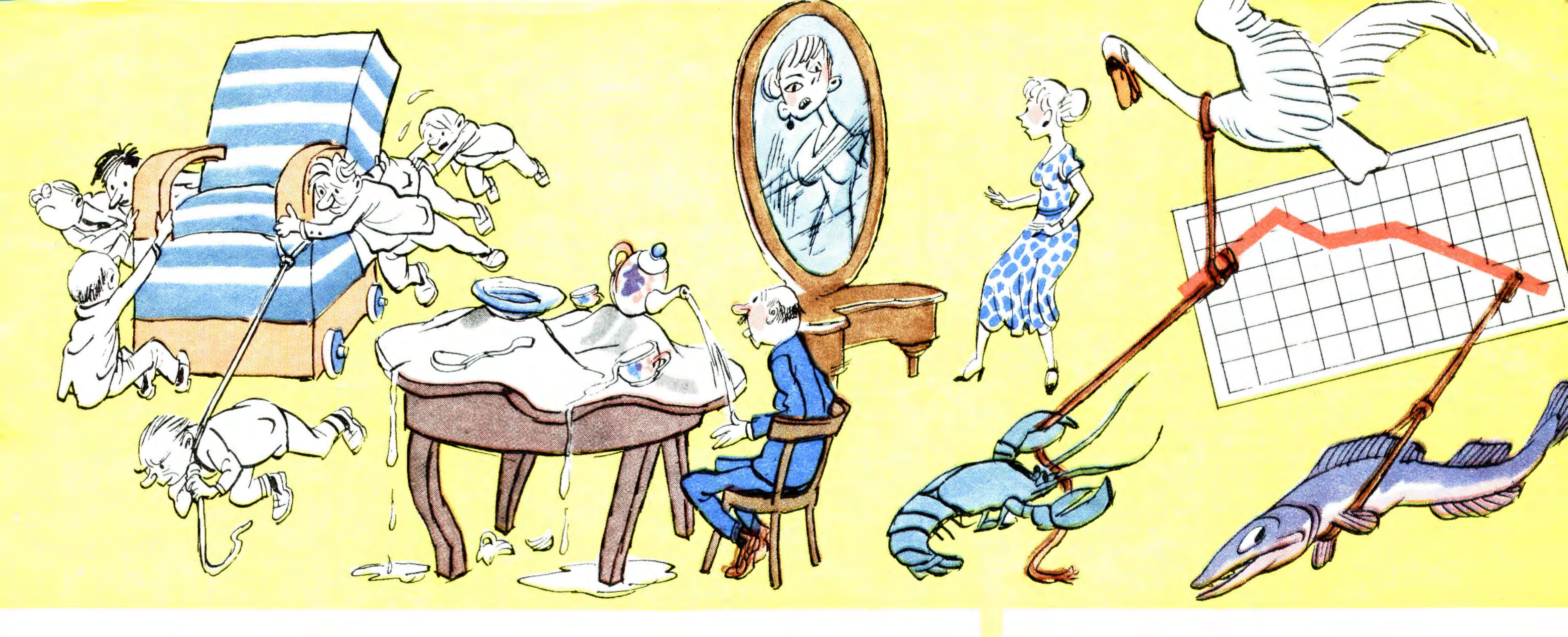
Лукошникову дали больше чем выговор. Завкоммунхоза с позором сняли с работы, но не за «неморальное поведение», а, как написал, жалеючи Лукошникова, секретарь горсовета в протоколе, «за плохое обеспечение горжилфонда ремонтными работами в весенне-летнем сезоне текущего года».

Сем. НАРИНЬЯНИ

Рисунок Л. ГЕНЧА.

— Придержи козу, дай хоть отчет об озеленении сдать!

«Крокодил» и газета «Лесная промышленность» приглашают читателей посетить мебельный салон, оформленный художником И. СЕМЕНОВЫМ.

«СУЧКИ И ЗАДОРИНКИ»

Открытие салона было сопряжено с большими хлопотами. Прежде всего следовало оборудовать его столами и стульями, причем сделать это нужно было с толком. Например, мебель, изготовленная Смоленской фабрикой, майкопским комбинатом «Лесомебель», Ростовской фабрикой имени Урицкого, не соответствовала профилю нашего салона: она по-настоящему красива, удобна, добротна. С другой стороны, эта образцовая мебель существует только... в образцах, и достать ее в магазине почти невозможно. Поэтому мы записались в очередь у мебельного магазина, исправно ходили по утрам на перекличку и выставили в салоне ту мебель, которую нам удалось приобрести...

На рисунке № 1 вы видите кресло типа «Эй, ухнем!», изготовленное Московской фабрикой № 1. Наименование это вполне оправдано: при попытке передвинуть с места на место этот многопудовый агрегат для сидения отдельные неорганизованные выкрики вроде «Раз — два, взяли! Раз — два, дружно!» обязательно переходят в заунывную бурлацкую песню «Эй, ухнем!».

На рисунке № 2 изображен следующий экспонат: зеркало, изготовленное Дарницким заводом. Детям и лицам с повышенной нервной возбудимостью смотреть не рекомендуется. Достаточно хоть мельком взглянуть на свое изображение, и вы убедитесь, что ваш нос плотно обосновался между глазами, рот скривился на сторону, а глаз полез на лоб. Единственное, о чем зеркала дают абсолютно правильное и точное понятие,— это о качестве работы их изготовителей.

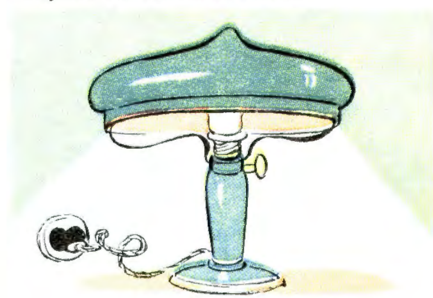
А вот этому обеденному, но отнюдь не обыденному столу, который изображен на рисунке № 3, мы присвоили условное наименование «Привет с Кавказа». Взгляните, какие причудливые очертания придала крышке стола вспученная, покоробившаяся фанеровка! На этом остроконечном пике в самый раз оказался бы романтический за̀мок царицы Тамары... Зато прозаический чайник на нем устоять не может: чай проливается и бурным Тереком стекает на штанины счастливого столовладельца, мешая ему объективно оценить всю бездну выдумки, вложенную работниками Куйбышевского мебельного комбината в свое детище.

Рисунок № 4 в наглядной форме отражает методику руководства мебельными предприятиями. Если раньше при Министерстве бумажной и деревообрабатывающей промышленности РСФСР существовал один главк — Главмебельпром,— то теперь к нему добавился еще и Главдревмебельпром, что обеспечило главкам условия для взаимного перекладывания друг на друга ответственности за выпуск мебели. Оба они действуют по принципу: Главмебельпром — в лес, Главдревмебельпром — по дрова,— чем и обусловлено изображение нами министерства и обоих главков в образе персонажей из басни Крылова «Лебедь, Рак и Щука». Мы не знаем, кто из них выполняет функции Лебедя, кто — Щуки и кто — Рака... Это — их ведомственно-семейное дело. Что же касается «воза» с хорошей, добротной и недорогой мебелью, то его не видать и поныне.

Какую же цель мы преследовали, открывая мебельный салон Крокодила? Ее можно сформулировать в двух словах: открытием салона мы стремились добиться его скорейшего закрытия. И, несмотря на кажущуюся парадоксальность нашего ответа, вряд ли кто-либо упрекнет нас в непоследовательности.

Пояснения давали
Вит. АЛЕНИН («Крокодил»),
Б. ОЛЬГИН («Лесная промышленность»).

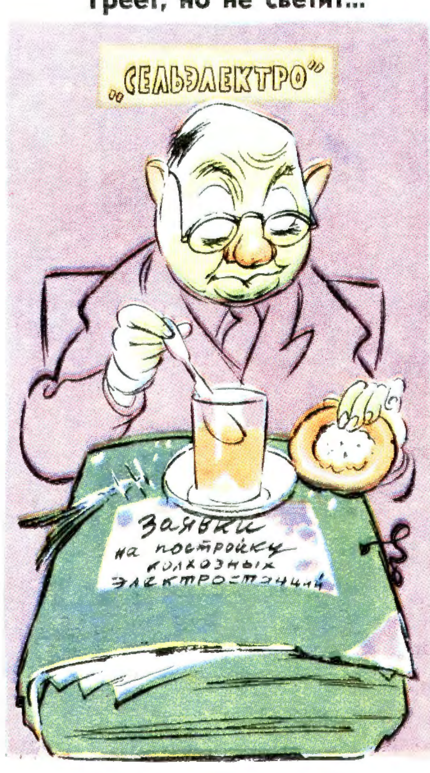
Рисунок Н. ЛИСОГОРСКОГО.

Светит, но не греет...

Греет, но не светит...

Не светит и не греет.

Ложка дегтя

Есть известное выражение о ложке дегтя и бочке меда. В Нюксенском районе, Вологодской области, этому выражению придают особый смысл.

Дело в том, что лесхимартель Вологодского обллесхимпрома, расположенного в районе, вырабатывает деготь и смолу. Это, конечно, очень хорошо. Образно выражаясь, это «бочка меда» для района.

Но из вырабатываемой продукции артель поставляет своему району только 100 килограммов дегтя и 400 килограммов смолы, вывозя остальное за пределы области. Вот это и является уже той самой пресловутой «ложкой дегтя», которая портит «бочку меда». Потребность колхозов и населения остается неудовлетворенной. Представители торговых организаций отправляются в погоню за дегтем в другие области, закупают его там и везут, перегружая с железнодорожного транспорта на водный.

Руководители местной промышленности Вологодской области, конечно, люди взрослые. Но нам все же хочется предложить им решить на досуге одну несложную арифметическую задачу: во сколько же обходится району «ложка дегтя»?

Л. КУКСО

Карпинский завод угольного машиностроения и Уральский завод Министерства геологии и охраны недр СССР поставляют углепроходчикам неукомплектованное оборудование.

Проблема укомплектования
и связанные с ней переживания

...В ателье пришел заказчик
И, готовый взяв заказ,
На него глаза таращит:
— Где ж пиджак мой! Вот так раз!..
Говорят ему в ответ:
— Волноваться смысла нет.
Все дошлем вам по порядку:
И манжеты и подкладку,
Воротник, борта и два
Полноценных рукава.
А пока носите так
Безрукавный свой пиджак.
Хоть оно не столь эффектно,
Но ведь шьем мы некомплектно.

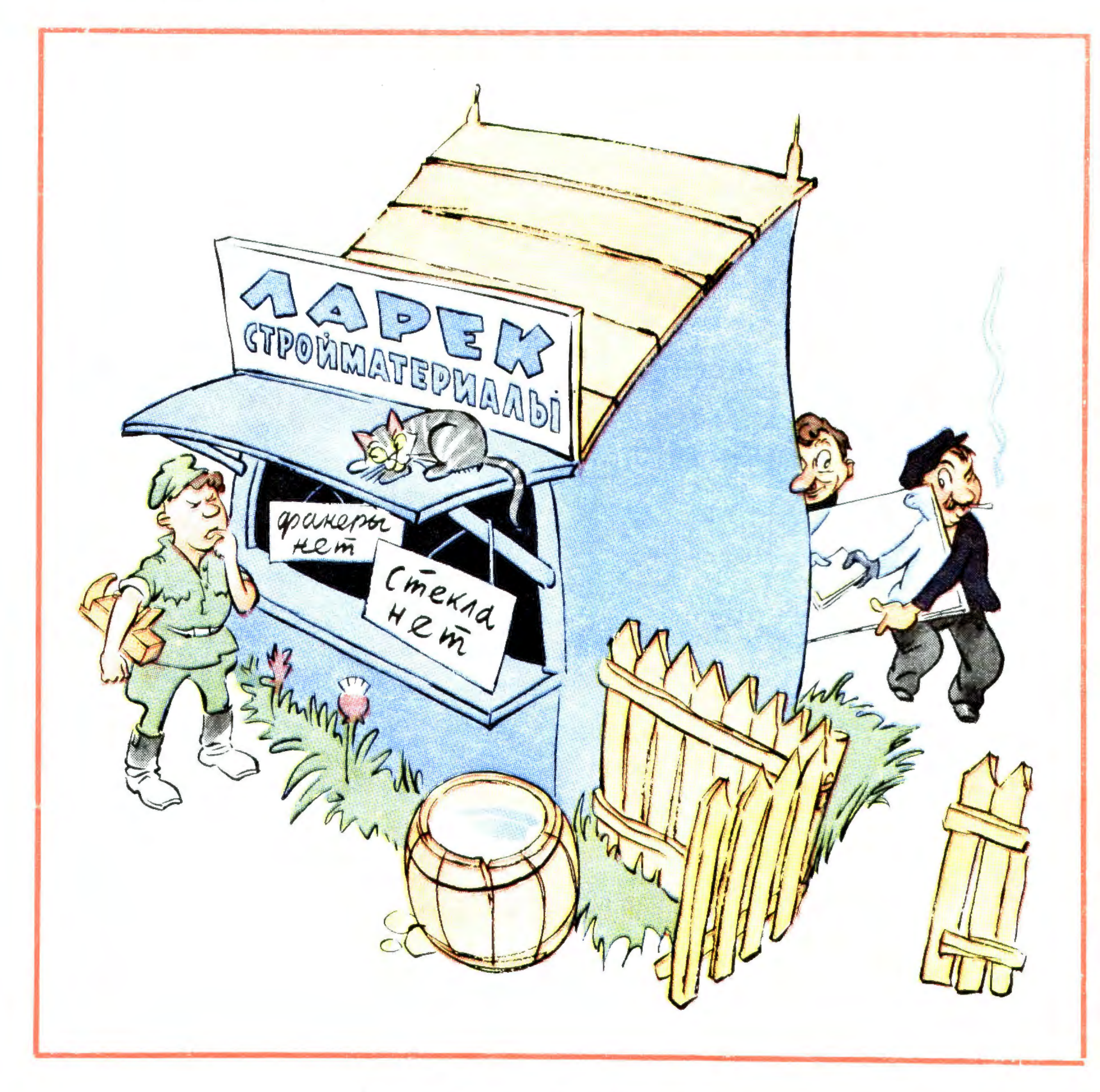
...В парикмахерскую чинно
Пожилой вошел клиент.
Мастер — вежливый мужчина —
Усадил в один момент.
Бритва молнией сверкнула
В мыльнопенных облаках...

...Вот клиент встает со стула,
Смотрит в зеркало и: — Ах!
Сбрить просил я до конца
Всю растительность с лица.
Так на чей, скажите, вкус
Лишь один отбрили ус!!
Это что за борода,
Ни туда и ни сюда!!
Заявляет мастер: — Да...
Не совсем она эффектна,
Но мы бреем некомплектно.

...Диалог идет в столовой.
Посетитель возмущен:
— Объясните мне толково,
Что зовете вы борщом!!
Что за странная еда:
Полпетрушки да вода!
А ему официант:
— Это ж новый вариант.
А капусту и порей,
Свеклу, соль и сельдерей,
Перец, лук, кусок свинины,
И жиры, и витамины
Вы получите у нас
Только... в следующий раз.
Все продукты превосходно
Можно съесть поочередно.
Вкус не тот! Не так эффектно!
Но мы варим некомплектно.

Не секрет: полны значенья
Эти преувеличенья.
Чтоб любой понять нас мог,
Расшифруем свой намек:
Все дела бы в результате
На такой пошли манер,
Если с ряда предприятий
Мы бы стали брать пример.

Рисунок Н. ЛИСОГОРСКОГО.

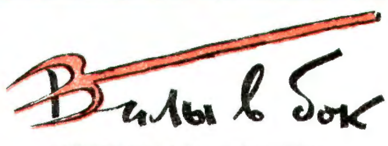

А ларчик просто открывался...

Леониду Леонову
Примите от нас благодарность за «Русский лес»
Друзья по перу

Рисунок В. СТАЦИНСКОГО.

ЖЕЛЕЗНАЯ ЛОГИКА

Не успели еще жители Серпухова вкусить все прелести общего выходного дня, как их огорошило следующее объявление в городской газете:

«АВТОКОЛОННА № 50 СООБЩАЕТ, что в связи с установлением в городе ОБЩЕГО ВЫХОДНОГО ДНЯ ЗАКАЗЫ НА АВТОБУСЫ ПО ОБСЛУЖИВАНИЮ ЭКСКУРСИЙ и МАССОВЫХ ВЫЕЗДОВ НА ВОСКРЕСЕНЬЕ НЕ ПРИНИМАЮТСЯ.

Обслуживание заказными автобусами в остальные дни недели производится по ранее установленному порядку».

Стало быть, коли решили на массовку поехать, то берите коллективный больничный лист и езжайте в рабочий день на здоровье! А в воскресенье можно чем-нибудь другим заняться. Если время некуда девать, садитесь за вышевоспроизведенное объявление: попробуйте отыскать в нем здравый смысл и логику. Пожалуй, для такого занятия не то что выходного дня, но и отпуска не хватит!

СО ЗНАНИЕМ ДЕЛА

В Министерстве финансов РСФСР здорово умеют бороться за сокращение и удешевление административно-управленческого аппарата! Здесь знают цену государственной копейке. Борются за нее не как-нибудь, а засучив рукава. Со знанием дела.

Самые строгие директивы на сей счет летят из Москвы на периферию. А в соответствии с ними начинают бороться и на местах. Например, где-нибудь в Красноярске. Заведующий Красноярским крайфо тов. Баталов приступает к ликвидации кадровых излишеств для начала в самом отделе кадров. В первом параграфе приказа № 81 от 9 марта 1957 года он так и написал недрогнувшей рукой:

«В соответствии с письмом министра финансов РСФСР т. Фадеева от 12 февраля 1957 г. № 76 исключить из штатного расписания крайфинотдела отдел кадров с количеством 3-х штатных единиц».

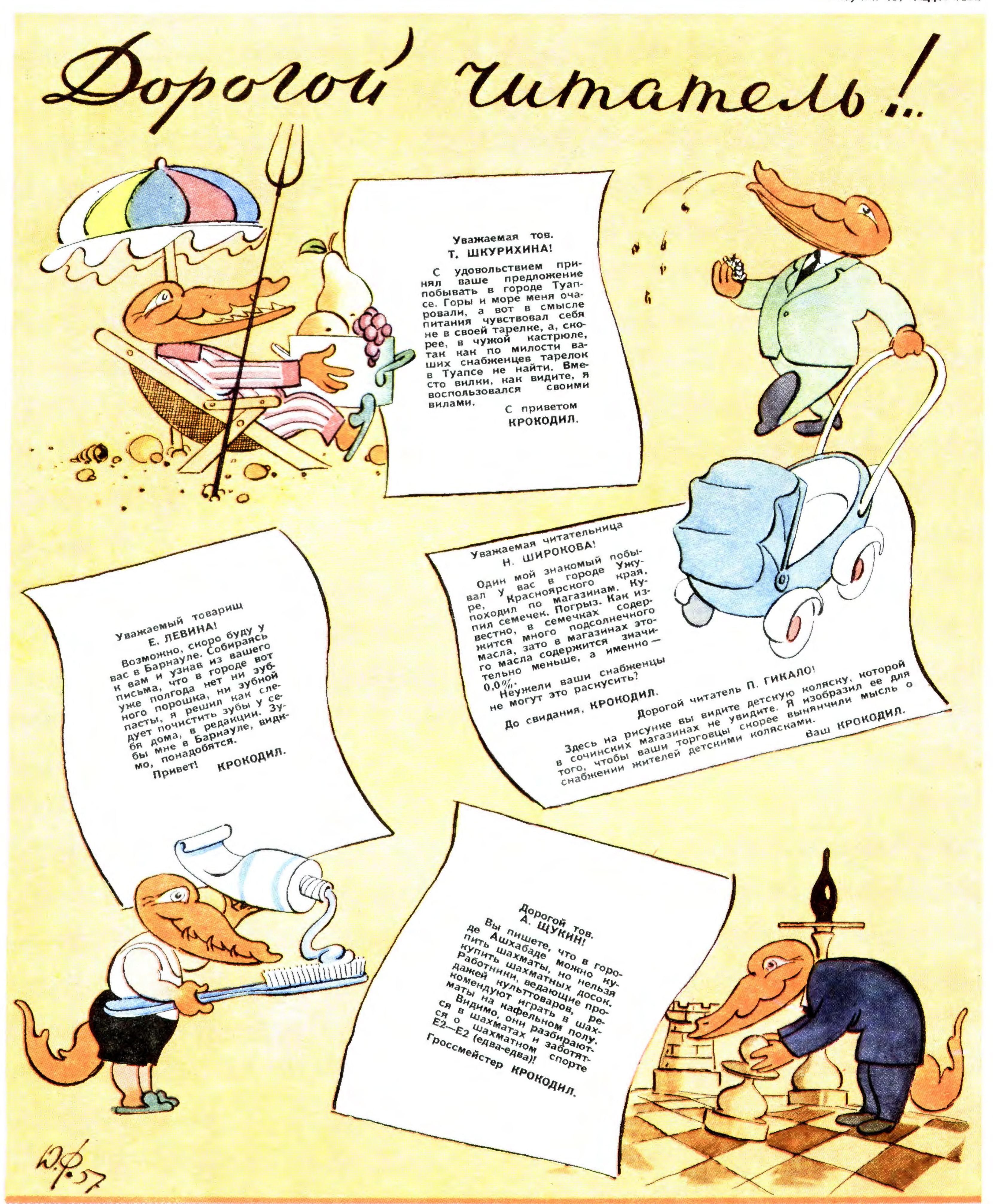
Строго. Решительно. Твердо.

Но что это? Неужели второй параграф писала другая рука? Или она дрогнула?

«В штат крайфинотдела введены при руководстве должности: помощник заведующего крайфо по кадрам, старший инспектор по кадрам и инспектор по кадрам».

На этот раз без ссылки на чье-нибудь руководящее письмо. Но опять строго. Решительно. Твердо...

Рисунки Ю. ФЕДОРОВА.

Изд-во «Правда». Адрес редакции: Москва, Д-47, 1-я улица Ямского поля, 28. Тел. Д 3-31-37. Прием ежедневно (кроме воскресных дней) с 13 до 17 часов.

А 05223 Изд. № 606. Подписано к печати 29/V 1957 г. Формат бум. 70×108⅛. Заказ № 1438. Тираж 1 000 000 экз. 1 бум. л.— 2,74 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Рисунок Ю. ГАНФА.

В храме бомбопоклонников

Перед нами общий вид атомно-водородного бомбослужения. Мы видим немногочисленных, но фанатичных приверженцев новой религии. Это не католицизм и не буддизм, а бомбизм. Приверженцы бомбизма именуются бомбопоклонниками.

Итак, служба в самом разгаре. В центре мы видим группу заокеанских бомбомольцев, усердно отбивающих поклоны своим идолам. «Да будет ниспослано нам мировое господство!» — взывают молящиеся.

Слева, на балконе, разместился сводный североатлантический хор под командованием дирижера Шпейделя. Английские, французские и другие западноевропейские генералы разучивают под руководством этого бундесверующего гитлеровца злободневные псалмы на мотив «Дейчланд, Дейчланд юбер аллес».

Справа, напротив хора, расположилась пресса. Корреспонденты соревнуются, кто убедительнее соврет на тему о том, что водородная бомба является-де ангелом-хранителем капиталистического мира от «русской агрессии». Результаты плачевные: никто в эту «агрессию» не верит.

В левом нижнем углу запечатлен момент сбора подаяний на гонку вооружений. Как видим, во время этой церемонии с прихожанами не очень-то церемонятся!

Слева исповедальня. Пока хор Шпейделя наверху упражняется в псалмолении, собратья Шпейделя внизу заняты более прозаическим делом: они стоят в очереди за атомным оружием.

В правом углу, на амвоне, мечет громы и молнии дежурный проповедник. Это один из американских генералов. Не то Грюнтер, не то Рэдфорд. В общем, какой-то мистер Мальбрук. Он проповедует одну-единственную заповедь: «Убий». Благочестивый оратор требует для водородной бомбы человеческих жертвоприношений. Пытается взять на испуг свободолюбивые народы. А пугает только своих соотечественников...

На паперти храма бомбопоклонников примостились убогие — Ли Сын Ман и Чан Кай-ши. Ждут атомных подачек.

В общем, шуму много. Молебны продолжаются беспрерывно. Обитатели храма тщетно надеются, что неустанным бомбослужением они смогут заглушить призыв к запрещению атомно-водородного оружия, разносящийся в эти дни по всем континентам.